

Высоко держать знамя идейности

Творческая деятельность советских писателей озабочена благородной целью борьбы за народное счастье, за торжество великих идей коммунизма. Беззаветное служение интересам трудового народа — славная традиция советской литературы, смело выходящая в жизнь, активно помогающая строить коммунистическое общество. В приветствии ЦК КПСС Второму съезду писателей подчеркнута:

«В своей творческой деятельности советские писатели вдохновляются великими идеями борьбы за коммунизм, за подлинную свободу и счастье народных масс, против всякого угнетения и эксплуатации человека человеком. Личному и лицемерному буржуазному лозунгу «независимости» литературы от общества, фальшивым концепциям «искусства для искусства» наши писатели с гордостью противопоставляют свои высокие идейные позиции служения интересам трудящихся, интересам народа».

Наше искусство — искусство больших мыслей и чувств, высоких идеалов, благородных стремлений. Лучшие произведения советской литературы таят в себе могучий заряд творческой энергии, заражающей и мобилизующей людей на великие подвиги во имя коммунизма. Это книги богатого содержания, яркой художественной формы. Ответный отзыв в сердцах читателей находят произведения, пронизанные пафосом народной жизни, такие, как «Русский лес» Л. Леонова, «Искатели» Д. Гранина, «Батальское небо» Н. Чуковского и другие романы, пьесы, стихотворения, утверждающие новые общественные отношения, обличающие все чуждое и враждебное коммунизму. И напротив, если книга лишена больших идей, не несет в себе жизненной правды, она не завоевывает читательских масс.

Советская литература, выпестованная и руководимая партией, отражает движение нашего общества к коммунизму, героизм и победоносность народной борьбы, преодоление трудностей и препятствий на пути к великой цели. Метод социалистического реализма обличает писателей глубоко понимать задачи завершения строительства социализма в нашей стране и постепенного перехода ее от социализма к коммунизму. Партия требует уделять главное внимание идейной направленности советской литературы, идеологическому воспитанию и росту художественного мастерства писателей, решительно бороться с отклонениями от принципов социалистического реализма, с рецидивами национализма, космополитизма и других проявлений буржуазной идеологии, с попытками толкнуть литературу в болото обывательщины, безидейности и уподобляемости.

Огромное значение для развития советской литературы имеет разгром буржуазно-идеалистических, формалистических взглядов на искусство, вульгарно-социологических и космополитических воззрений. Наша общественность осудила порочную «теорию» бесидейности, тенденции к привирашению действительности, к замалчиванию противоречий развития и трудностей роста. Суровый отпор получило и стремление в поисках надуменных конфликтов не замечать великих, активных сил и начал советского общества. Советская литература идет вперед, решительно отвергая нигилистические взгляды, субъективистские теории, направленные против коммунистической партийности искусства, вроде тех, что были высказаны в ряде литературно-критических статей «Нового мира», отвергая клеветнические произведения, вроде пьесы Л. Зорина «Гости», в которой искажено изображалось советское общество, смакувались темные стороны жизни.

Второй всесоюзный съезд писателей мобилизовал литераторов на глубокое постижение жизни, повышение идейно-художественного уровня их книг.

Во исполнение решений съезда претворяется известная работа по идейно-творческой консолидации литературных сил, идеологической закалке, росту мастерства художников слова. Содержательной и плодотворной оказалась двухдневная дискуссия, организованная московской секцией прозы и посвященная важной проблеме воспитания чувств и характера советского человека. На материале конкретных книг писатели обсуждали вопросы изучения и осмысления жизни, создания художественного образа современника.

Такого рода начинания свидетельствуют о широких возможностях, которыми располагают писательские организации в постановке идейно-творческих вопросов. Но всегда ли используются эти возможности? Да, конечно, не всегда.

Серьезный недостаток литературно-художественных журналов ССР и «Литературной газеты» состоит в том, что после Второго съезда писателей на их страницах крайне редко появляются статьи, в которых обобщаются процессы развития советской литературы, ставятся большие идеологические вопросы, связанные с решениями съезда, с развенчанием на нем лживой теории. Ряд журнальных и газетных выступлений не отличается боевой остротой и публицистичностью.

Чествование В. Рождественского

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Литературная общественность города отпела 60-летие поэта Всеволода Александровича Рождественского. Первое его стихотворение появилось в печати в 1916 году, первые книжки стихов «Лето» и «Золотое веретено» изданы в 1921 году. В Рождественский известен и как переводчик произведений поэтов братских народов СССР, славянских народов и западных классиков. Им созданы либретто к четырем операм.

Памяти В. Мицкявичюса-Капсука

Недавно литовский народ отметил 75-летие со дня рождения выдающегося литовского революционного деятеля, писателя и публициста Винца Мицкявичюса-Капсука. 24 апреля в Москве, на Новодевичьем кладбище, состоялась возложение венка у стены, где замурована урна с прахом В. Мицкявичюса Капсука. Венки от ЦК

сти. На невысоком идейно-творческом уровне проводятся нередко обсуждения и дискуссии в ССР. Среди части литераторов, тех, кто недостаточно твердо в теоретическом отношении, проявляются идейные шатания. Так, на партийном собрании московских писателей имели место выступления, ставившие под сомнение полезность нашей борьбы с космополитизмом. У отдельных ленинградских писателей проявилась тенденция к восприятию в вопросах идеологии, в администрации гнилых и клеветнических писаний Зоженко.

Все это говорит о необходимости усиления борьбы против беспечности в идейно-теоретических вопросах. Идейная зоркость и непримиримость — непременное качество писателей, стоящих на позициях социалистического реализма.

Советская литература упорно совершенствует мастерство изображения народа как творца истории, настойчиво борется против антимарксистского культа личности. Ложная паразитность, высокопарность, призывы к изображению сверхъестественной личности столь же вредны, сколь и принижение ярого человека — героя нашей жизни и нашего искусства. Нельзя, однако, не видеть, что в некоторых произведениях литературы этот ядровый представитель народа изображается не тем «мелким» великим человеком, хозяином своего государства, о котором говорил Горький, но личностью мелкой, живущей только бумажными интересами, лишенной больших идейных устремлений. Общая картина жизни народа оказывается здесь узкой и ограниченной, творческий пафос нашего времени — обесценен, герои — бескрылыми. В этой связи критиковался роман В. Пановой «Времена года». Существенные возражения читателей вызвало и относительно изображении советских людей в «Оттепели» И. Эренбурга.

Справедливой критике подверглись литературные произведения, в которых описания технических деталей заслоняли живые человеческие характеры. Критика таких книг напала писателей на многогранное изображение советских людей в неразрывном единстве их трудовой деятельности, общественной и личной жизни. Между тем выхолот произведения, в которых описываются одни только субъективные переживания, интимные интересы героев, изображенных в отрыве от их общественной, трудовой деятельности. Но разве не ясно, что невозможно верно показать советского человека, не раскрыв содержания его идейной жизни, широты общественных взаимосвязей, формирующих человеческую личность? Недаром герои поэтических произведений чаще всего оказываются фигурами условными и схематичными, а мир их чувств — безмятенным и примитивным.

Социалистический реализм дает возможность проявления широкой творческой инициативы, выбора разнообразных форм и стилей в соответствии с индивидуальными склонностями и вкусами писателя. Необходимо всячески развивать творческое многообразие советской литературы, бороться против унификации форм и стилей, против монополий каких-либо творческих течений. Но многообразие — это не всеядность, не распыленность. Смыслами на манеру того или иного писателя неправильно оправдывать, как это иногда делается, ущербность изображаемой им картины жизни, отсутствие в книге ясно выраженной авторской позиции. Ошибочно думать, будто бы многообразие искусства предполагает право на существование наряду с боевой, высокоидейной литературой и произведением «второго эшелона», стоящих в стороне от идейных битв эпохи и удовлетворяющих обывательским запросам. Нам нужно, чтобы все многообразные средства, которыми располагает искусство, служили одной цели — утверждению социалистического общества, социалистической идеологии.

Идейно-творческим задачам посвящена вся жизнь писательских организаций. Она тем плодотворнее, чем лучше поставлена здесь работа по идейному воспитанию литераторов, чем последовательнее ведется борьба с имеющимися еще попытками расколоть их на отделимые группы и группочки. Писатели должны чувствовать себя единым коллективом, сообща решающим вопросы литературного творчества, мобилизуя всех своих членов на выполнение задач, которые поставил ЦК КПСС в приветствии Второму съезду писателей. Этими задачами определяется и содержание работы создаваемого в настоящее время Московского отделения Союза советских писателей. Отделение может показать всем организациям ССР пример плодотворной работы по глубокой и принципиальной постановке творческих вопросов.

Повышать идейно-художественный уровень литературных произведений, глубоко осмысливать вопросы идеологической работы, воспитывать литераторов в духе коммунистической партийности — большая и ответственная задача всех писательских организаций. Ее выполнение является важнейшим условием расцвета художественного творчества в нашей стране.

И. Садофьева состоялась юбилейный вечер

С докладом выступила И. Айзеншток. От правления писательской организации юбиляра приветствовал Н. Никитин, от секции поэтов — Б. Кожухов, от секции прозы — А. Островский, от имени молодых писателей — П. Петунин.

На вечере были прочитаны поздравительные телеграммы и приветствия от литературных организаций, издательства, редакций журналов и газет, театров.

В конце вечера выступил тепло встреченный собравшимися В. Рождественский.

КП Литвы, Совета Министров и Президиума Верховного Совета Литовской ССР

возложили секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы А. Слескуса, председателя Совета министров Литовской ССР И. Гельвила, председателя Президиума Верховного Совета Литовской ССР Ю. Палецкиса, сотрудников постоянного представительства Литовской ССР в Москве, партийные работники, учащиеся.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 50 (3395)

Вторник, 26 апреля 1955 г.

Цена 40 коп.

ПО СТРАНИЦАМ
ЗАРУБЕЖНЫХ
ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Советская литература завоевала признание миллионов зарубежных читателей во всех странах мира своей неуловимой и последовательной борьбой за интересы трудящихся, интересы человечества. Человечеством, истинно гуманным, расставшимся с империализмом, проповеди военных авантюристов противопоставляет великие идеи гуманизма, борьбы за мир и дружбу между народами. Она несет миру оптимистическую веру в светлое будущее народов.

Широкий фронт прогрессивной литературы пересекает все континенты — это мощный, необходимый фронт. Все передовое человечество поддерживает прекрасный и светлый мир социализма, видя в росте и расцвете его свое будущее, свою судьбу. Советская литература, как отмечалось на Втором съезде советских писателей, стала аккумулятором боевой сознательной энергии трудящихся за рубежом, источником творческого опыта для переводов, прогрессивных писателей.

Второй всесоюзный съезд писателей, ставший событием в жизни Советской страны и лагеря мира и демократии, стал событием и в развитии мировой культуры.

На страницах прогрессивной печати, в выступлениях переводчиков литературы, в выступлениях переводчиков литературы, о съезде писателей. Несколько десятков зарубежных писателей участвовали в работе съезда; вернувшись в свои страны, они рассказывали о работе съезда, о его решениях — и их рассказы решительно разоблачали клеветников, пытавшихся опорочить литературу страны социализма.

Итальянский писатель Лао Ша в журнале «Ваньяков» писал о съезде: «Достижения советской литературы за последние 10 лет не только получили очень высокую оценку со стороны Коммунистической партии, народа Советского Союза, но завоевали также поддержку и горячую любовь передовых людей и писателей всего мира...»

Вера за программу приветствия ЦК Коммунистической партии, мы должны тщательно изучить документы съезда, а потом подробно обсудить, как сочетать решения съезда с нашей практической работой, как совершенствовать нашу работу».

Известный немецкий писатель Вилли Бредель отмечал, выступая в Берлине, значение творческого опыта советских писателей для литераторов Германии. «Во время работы съезда проявлялась великая сила, спокойная уверенность в себе всего советского общества. На съезде смело ставились проблемы, часто начинались острые споры, но всегда было чувство, что совмещаются выдающиеся писатели великой страны о вопросах настоящего и будущего». — говорил известный венгерский писатель Петер Вереш.

Корейский писатель Се Ман Ир подчеркнул «неоценимое значение материалов съезда для работников прогрессивной литературы всего мира и, в частности, для корейских писателей».

Болгарский писатель Христо Радевский рассказывает: «На творцов национальных культур всего мира не может не оказать влияния широкая свобода творческой дискуссии, которая была характерна для съезда и его подготовки. О такой свободе в капиталистических странах могут только мечтать. И те, кто торчит там культуру своих народов, лучше всего знают об этом».

Латвийский писатель Ханс Кирк, отмечая широкий и свободный характер обсуждения вопросов литературы на съезде, говорил: «Нет ни малейшего сомнения, что такая открытая дискуссия будет плодотворной, приведет вновь вдохновит и приведет советскую литературу к новым достижениям... Я не могу не благодарить советским писателям, потому что они живут в обществе, где в них нуждаются, где интересуются их творчеством».

Он подчеркнул то, что привнесло наибольшее впечатление на гостей съезда — прогрессивных писателей мира, — живую связь между литературой и народом: «...создан такой контакт между народом и писателем, которого не было ни в какой иной стране. Советский народ стал не только носителем культуры, но и ее творцом. Он требует от своих писателей, чтобы они посвятили свое творчество самому важному — жизни народа и его борьбе, его пере и его надежде...»

Как писатель, я должен признаться, что завидуя советским писателям. Могуцественный народ с пробуждающейся потребностью к культуре обращается к ним и требует: «Ничего! Давайте нам больше ярких произведений, опишите нашу жизнь! Какие задачи! Какое счастье для писателя, какая ответственность! Этот съезд привнес на меня сильное впечатление. Съезд показал мне, что жизнь побеждает».

Уругвайские писатели Аморин и Гравина отметили, что съезд писателей свидетельствует о величайших достижениях Советского Союза в области литературы и развития культуры. Съезд показал, говорится в их заявлениях, что советские писатели тесными узлами связаны с народом и правительством в общем стремлении сохранить мир, культуру у всех народов мира.

Бразильский писатель Афонсо Шмит в буржуазной газете «Ультима Ора» рассказал о своих впечатлениях от съезда: «Меня поразило одно, совершенно новое для меня обстоятельство — общность интересов народа и интеллигенции. В Советском Союзе литература — предмет первой необходимости, как свет и вода. Она совсем не похожа на тот «природный цветок, ничем не защищенный от бурь и ливней» всякой поддержки, какой является литература многих стран. И еще меньше

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

походит она на «кузбук общества», о которой говорят бразильские писатели. В социалистическом мире литература играет значительную роль в жизни народа. Она изучает проблемы народа, проясняет его сомнения, активно участвует в строительстве новой жизни. Советская литература, в отличие от литературы капиталистических стран, близка жизни народа».

В Германии и Китае, Норвегии и Пакистане, в ряде других стран работа и решения съезда вызвали живой интерес, оживленно комментировались в печати, — и в этом нашло отражение интерес простых людей, широких масс трудящихся к советской культуре, к жизни советского народа.

Опыт советской литературы обогащает всю мировую культуру и литературу. Место советской литературы в жизни своего народа, проблемы творчества и опыт творческих дискуссий, опыт взаимосвязи братских национальных литератур, задачи писательской организации — вот вопросы, неизменно возникавшие на беседах и дискуссиях в связи с итогами съезда писателей.

По, кроме друзей, за работой советских писателей пристально следят и наши идейные противники, враги передовой мысли, враги искусства, служащие целям мира, демократии, счастья народов.

Своеобразным подтверждением огромного международного значения работы съезда писателей является и то беснование, то злобное шипение, которыми сопровождали съезд эти господа.

Все жонглеры и фокусники слова, мастера доказывать, что черное — это белое, а белое — это черное, оказались мобилизованными, чтобы поносить нашу литературу, наших писателей.

Съезд писателей был действительно съездом многонациональной советской литературы. Делегаты 45 национальностей участвовали в его работе. Представители братских республик были и среди основных докладчиков и среди выступающих в прениях. Но реакционные борзописцы пытались поставить под сомнение и многонациональный характер работ съезда и свободу дискуссии на нем.

Какие надежды они связывали со съездом? Это хорошо разъяснил в газете «Кристик саиенс монитор» Пол Воль, писавший неоднократно:

«Русские и большинство других народов старой империи всегда были ненавистными читателями. Их литература в течение более столетия была настолько же слита с моральными и социальными проблемами, насколько их политика была связана с различными идеологическими течениями. Революция узаконила этот странный брак литературы с политикой».

Этим господам не нравится «брак литературы с политикой», то есть служение литературы целям и интересам своего народа! Им не по душе высокая идейность советской литературы! Политика Коммунистической партии, Советского государства — это жизненная основа нашего общества. Это политика, обеспечивающая всесторонний расцвет и непобедимость нашего советского общества, обеспечивающая рост благосостояния и культуры народа. Перушима верность советских литераторов политике партии, идеям коммунизма. Подлинная свобода — в этом верном служении делу счастья и благосостояния миллионов.

А все воля и визги о свободе чистого искусства, раздвигаются то на английский, то на французский и на других языках, — это лицемерие и ложь, скрывающие зависимость подкупных писак от своих хозяев.

Александр Верт во французском еженедельнике «Франс обсерватор» выражал надежду, что съезд оформит отказ от «кустарного 1946—1948 годов», отказ от линии партии в вопросах литературы и искусства. Не считаясь с истиной, эти господа хватаются за каждый слух, каждое переплетенное сообщение. Но советские писатели, разочарован все подобных шептунью и провокаторов, заявили о своей безграничной преданности Коммунистической партии.

«О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы писем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством», — говорил на съезде М. Шолохов.

Враги со страниц своих журналов и газет, через микрофоны радиостанций распространяют, как бы соревнуясь во лжи и тупости, самые нелепые слухи — то о разногласиях в среде писателей, то о минувших переменах в линии Союза писателей. Можно лишь посочувствовать этим пишущим духом, ибо съезд писателей и все направленные деятельности Союза писателей им никакого удовольствия принести не могут. Как и прежде, советские писатели верны и будут верны своей партии, своему народу, великим идеям коммунизма, вдохновляющим на новые творческие дерзания, на новые победы в области художественного творчества.

Буржуазная итальянская газета «Коррьере дела сера» преподнесла сенсационное сообщение о том, как жертвой критики стал... М. Шолохов. Автор статьи Веро Роберти сообщил, что советская печать якобы не позволяет рисовать коммунистический со «скошенными» подборками; составивши на образ Бунчука в романе «Тихий Дон», он писал:

«Против подобной характеристики протестовала «Литературная газета», утвер-

ждая, что герой коммунистического романа не может быть таким, каким описал его Шолохов, и неосторожный автор вынужден был передать по приказу партии образ своего Бунчука».

В «Литературной газете» действительно говорилось о Бунчуке и его приметах, но говорилось совершенно иное, чем утверждает завравшийся Роберти. Читатель может обратиться к номеру газеты за 10 августа 1954 г. (№ 95), в котором напечатана статья, рассказывающая, как М. Шолохов редактировал новое издание «Тихого Дона».

В некоторых произведениях 20-х годов, говорилось в статье, коммунисты изображались в отвратительных красках и представляли, по словам Фурманова, вполне фантастические фигуры». Стремясь к реалистическому изображению коммунистов, Шолохов старался подчеркнуть их общность, выдвигая бунчуковость, сестер. Естественно, писал автор статьи критик Л. Якименко, что Шолохов, зрелый художник, редактируя роман, вносил изменения в портретный рисунок Бунчука.

Шолохов очистил портрет от повторений, сохранив в основном характеристику персонажа».

Сделал он это сам, редактируя «Тихий Дон» для нового издания. Никто не «заставлял» писателя вносить поправки, но естественно, что после выхода романа печать показала читателям значение работы писателя, которая является хорошим примером творческой выскальности.

Поскольку «Коррьере дела сера» ссылалась на «Литературную газету», нам остается спросить: рискует ли «Коррьере дела сера» признаться, что строки, в которых она увидела попытку давления на писателя, были на самом деле напечатаны после выхода нового издания романа и представляли собой анализ редакторской работы М. Шолохова над своим произведением? Признает ли Веро Роберти, что он позорно сел в лужу?

А как называть манеру цитирования, которую избрал Роберти? У М. Шолохова говорится о Бунчуке:

«Ничего особенного, бросающегося в нем не было... Все было обычно, серо, булочно, лишь твердо загнутые челости да глаза, ломающие встречный взгляд, выдвигая его из гущи остальных лиц».

Роберти дает свою «редакцию»:

«В его лице нет ничего привлекательного. Все в нем серо и монотонно. Находясь в толпе, Бунчук не выделялся бы из нее ничем, даже своим скошенным подбородком».

Усть луны из «Коррьере дела сера» попробуют опираться, что они превращают и факты и цитаты.

Реакционные французские газеты также подняли шум вокруг «коммунизма без подборки», которые якобы запрещены в советской литературе!

Вот такова в представлении реакционных писак «свобода творчества» — под ней они понимают «свободу» фальсификации, свободу извращения фактов.

Передовые зарубежные писатели не могут равнодушно смотреть, как всяческое отребье бесстыдно искажает истину.

Луи Арагон в яркой, остроумной статье отлично разоблачил приемы этих лжецов, вывел на чистую воду фабриантов клеветнических утверждений. Он разоблачает сговор реакционных клеветников против советской литературы, одного за другим обличает врагов. Он останавливается на выводе газеты «Пари-пресс» — «что касается сатиры и юмора, то они попрежнему будут жестоко задушены режимом» — и с едким сарказмом комментирует эти слова: это заявление свидетельствует по меньшей мере о черной неблагодарности газеты, которая постоянно черпает свои веские аргументы о положении дела в Советском Союзе из журнала «Крокодил».

Наши друзья отбивают все нападки реакционной прессы и в наступательном духе разоблачают ее, выставляя на всеобщее посмешище ее вздорность, лживость, убожество.

За работой советских писателей с любовью и дружеским участием следят наши друзья за рубежом, читатели книг советских писателей, находящие в этих книгах широкую и светлую картину нового мира, создаваемого силами самих трудящихся. За этой работой с ненавистью следят наши противники, холпы обреченного старого мира, защитники тления и гнили.

Творчество советских писателей обогащает друзей, укрепляет их веру в дело мира и счастья человечества. Мы служим благополучию и прекрасному делу, выше и гуманнее которого не было на свете. И в этой работе литераторам Советской страны обеспечена дружба и поддержка всего передового человечества.

П. Тичина говорил на заключительном заседании съезда писателей:

«Мы непоколебимо верим в то, что неуспешный огонь нашей общей дружбы, нашего общего творчества, огонь наших сердец будет широко светить народам всех стран в их борьбе за мир во всем мире. Пусть огонь нашего творчества расцветает мрак над всем земным шаром».

Советские писатели поставлены на историческую вершину: их творчество отвечает на коренные запросы трудящихся масс. И любовное внимание друзей и злоба врагов облизывают созданные произведения, правдивые, яркие, полные боевого духа, поднимавшие миллионы читателей на борьбу за мир, за лучшие цели человечества, за светлую социалистическую жизнь.

С СОБРАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКИХ
ФИЗИКОВ

Могучую силу атома — на мирные цели

Собрание, о котором будет рассказано ниже, происходило недавно в Ленинградском физико-техническом институте, основанном по инициативе Феликса Дзержинского в 1918 году.

В Большом актовом зале собрались академики, доктора и кандидаты наук, лаборанты, аспиранты, рабочие, служащие института, чтобы подписать Обращение Всемирного Совета Мира о запрещении атомного оружия.

Голосуя за мир, советские ученые обратились к зарубежным физикам с призывом присоединить свои подписи к Обращению. Директор института действительный член Академии наук Украины А. Комар напомнил слова великого Горького: «...пора вам решить простой вопрос: с кем вы, «мастера культуры»? С чернорабочей силой культуры за создание новых форм жизни или вы против этой силы, за сохранение касты безответственных хищников...». Агрессоры мечтают о «японской войне», о войне «роботов», телеуправляемых машин, они боятся масс. Половина человечества уже высказалась за мир, многие ученые, такие, как Жюлио-Кюри, Бернал и другие, ведут с поджигателями новой истребительной войны активную борьбу.

— Некоторые из них, — говорит далее А. Комар, — травят, преследуют.

Так произошло с одним из создателей атомной бомбы — доктором Опенгеймером. Он участвовал в первом испытании атомной бомбы 16 июля 1945 года в пустыне Нью-Мексико. Генерал Фаррелл так описывал переживания изобретателя бомбы в момент взрыва: «Он... пристально смотрел прямо перед собой и затем, когда человек, объявляющий время, закричал: «Время!» — и все осветилось колоссальной вспышкой света, за которой вскоре раздался низкий раскатистый рыв взрыва, напряжение на его лице сменилось выражением огромного облегчения».

Энтузиазм атомщиков достиг апогея — они бросались целовать Опенгеймера. В эту минуту генералы и их ученые лакейки подумали о мировом господстве.

Ровно через месяц эти отблески атомного взрыва увидели японцы в Хиросиме и Нагасаки...»

Но стоило теперь Опенгеймеру задуматься над моральной стороной вопроса, как его сразу объявили нежеланным американцем и отстранили от работы в атомном центре.

А. Комар продолжает свою речь, он говорит, что советские ученые давно уже определили свое отношение к атомному оружию.

— Но вот руководитель английских атомщиков Джон Кокрофт еще ни разу не высказался за мирное использование атомной энергии! Чем такие люди будут отличаться от военных преступников? Они достаточно грамотны, они не могут сказать, что были обмануты, дезинформированы...»

На трибуне — член-корреспондент Академии наук СССР П. Гринберг. Его слушают с величайшим вниманием. Все знают о замечательных работах ученого, создавшего новую теорию расчета мощных электротехнических устройств. В сотрудничестве с коллективом завода «Севкабел» он рассчитал электрокабель высокого напряжения в 4000 вольт для линии Куйбышев—Москва. Он рассказывает об бескрайних перспективах мирного использования внутриядерных сил.

Работавший в институте доктор технических наук С. Стародубцев использовал гамма-лучи для определения состава пылины в труборазводе земснарядов. Его портативный прибор опробован уже на строительстве Куйбышевской ГЭС. По рекомендации Сергея Васильевича Стародубцева метод меченых атомов использовался для изучения потоков воды внутри действующей модели турбины. Сотрудник института Л. Слив, один из делегатов прошлой годней конференции физиков в Париже, является энтузиастом использования радиоактивных веществ в сельском хозяйстве.

В самом темпе развития мирного использования ядерной энергии сказывается все большее превосходство советской науки, ее глубоко гуманистическая основа.

«Мир победит войну», — говорили наши физики, ставя свои подписи под Обращением. Идея мира сильнее сил реакции, так как их испепеляющие лучи проникают всюду, доходят до сознания людей в любых частях света, зажигая их сердца ненавистью к поджигателям атомной войны.

Д. М. ЛЕВОНЕВИЧ

ЛЕНИНГРАД

ЛЕТО В ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЯХ

ВЦСПС принял недавно решение, которое давно ожидала наша общественность: летом нынешнего года в 800 пионерских лагерях начнется обучение плаванию детей. Речь идет о лагерях, расположенных вблизи крупных водоемов (озер, рек, водохранилищ) самых различных географических зон страны.

Обучение детей плаванию является обязательным и будет проводиться по программе, утвержденной Комитетом по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР. Комитет обязал направить в пионерские лагеря 800 инструкторов, главным образом студентов и спортсменов-пловцов. В течение 26 дней пребывания в лагере каждый пионер должен быть обучен плаванию. На водоемах в связи с этим будут созданы необходимые ограждения, купальни и т. д.

В решении ВЦСПС предложено в каждом пионерском лагере организовать волейбольные, баскетбольные, футбольные и городочные команды, занятия по гимнастике, легкой атлетике, подготовке и сдачу норм комплексов БТЮ и ГТО. Для расширения знаний детей о природе будут созданы в лагерях отрядные участки, созданы фруктовые сады, огороды, организованы простейшие метеорологические станции и т. д.

Этим летом в пионерские лагеря направляется 2650 тысяч детей.

Приезд Халлдора Лакнесса

В Москву по приглашению Министерства культуры СССР приехал на днях известный исландский писатель Халлдор Лакнесс. Приезд писателя связан с предстоящим постановкой в Государственном академическом Малом театре его пьесы «Проданная колыбельная».

литераторов (Москва) проходила творческая конференция на тему «Воспитание чувств и характера советского человека»...

Конференция, проходившая под председательством одного из старейших советских мастеров прозы К. Федин, вызвала большой интерес писательской общественности столицы...

Обсуждение новых произведений, деловой, нелицеприятный разговор по важнейшим творческим вопросам, живая активность участников конференции — все это сделало ее работу весьма плодотворной.

Ниже мы печатаем сокращенные выступления участников конференции.

Писатель и читатель

Открывая конференцию, К. Федин призвал писателей-прозаиков и всех присутствующих к свободному и широкому творческому обсуждению насущных проблем развития советской литературы...

людей, у которых очень большие требования к форме произведения; другие больше интересуются содержанием книги; и есть довольно широкий круг читателей, которые почти безразличны к фактуре произведения...

Под авторитетом секции К. Федин понимает силу коллективного, общественного мнения писателей о рукописи. Авторитет будет создаваться интересом писателей к работе секции...

Стремление писателя к повышению литературного качества своего произведения совершенно закономерно, но чрезмерное увлечение изысканностью формы таит в себе опасность снобизма. Нельзя забывать о тех требованиях, которые предъявляет широкий читатель к литературе...

Жизнь, люди, чувства

В. Рудный говорит о целях конференции, которая явилась первым творческим собранием после Второго съезда писателей и вместе с тем — завявкой на существование Московской организации писателей...

Характерной чертой литературы последних лет А. Турков считает стремление писателей воспитать в читателе вкус и охоту к критике недостатков, создавать образы людей, борющихся с выхолащиванием больших идей коммунистического строительства...

Отмечая, что в литературе последних лет появилось много интересных произведений, В. Рудный и здесь осуждает шахрайские, как он выражается, «от меда к деткам» нам нужны книги, написанные не деткам или медом, и не смесью того и другого...

На ряде произведений, посвященных интимным переживаниям советских людей («Дружба» А. Коптяевой, «Елена» К. Львова, «Фаня» Е. Горбача, «Малиновка» И. Глинской, «Тихая Нюся» Н. Деметьевой), останавливается Г. Бровман. Он приходит к выводу, что у некоторых писателей тема любви гипертрофирована, любовь изображается в отрыве от всей атмосферы нашего строя...

Отмечая все более глубокое проникновение литературы последних лет в жизнь, А. Турков считает, что в спорах о положительном герое еще далеко не все решено. Он

предостерегает от примитивного понимания проблемы и ссылается на опыт Салтыкова-Щедрина, который, стремясь воплотить в литературе образ глубоко верующего в революционные идеи человека, великодушно понимал могущие встретиться на этом пути трудности...

Думать о молодежи

На одной из серьезных задач, стоящих сейчас перед писателями, — вопроса воспитания молодежи, — остановился в своем выступлении Е. Успенская. У нас выросла хорошая молодежь, говорят она, у нас есть замечательные качества, глубину и органичность которых, думается, мы по до конца оцениваем...

Есть много вопросов, которые меня тревожат. Например, чувство собственности. Мы встречаемся с фактами, что вдруг в хорошей, честной, трудящейся семье вырастает человек с признаками барства, любовью и деньгами, желанием одеться лучше других...

приходят эти самые материальные блага, которыми дети порой пользуются так презрительно и глупо. Видимому, нам — писателям, педагогам, родителям — нужно во-первых понять все это и во-вторых объяснить новому поколению людей, как надо правильно относиться к тем удобствам, которые они получают...

Как раз по этому поводу выступил молодой писатель В. Тендрок с хорошей повестью «Не по двору». В этой книге показано, как складывается психология советского юноши с этим старым, заезженным в сознание, чувством собственности. Странно и печально, что газета «Московский комсомолец» раскритиковала эту повесть вместо того, чтобы подхватить ее и развить поднятые в ней вопросы.

Мы хорошо воспитываем в детях чувство коллектива, уважение к коммунистическим поручениям. Но всегда ли школа вовремя напоминает нашим детям, что у них есть родители, воспитывающие любовь, внимание к ним? Часто ли писатели об этом пишут? Где в последних наших книгах даны образы родителей, показаны глубокие взаимоотношения их с детьми? Ведь если у нас в рассказе девочка помогает матери, то обязательно не своей, а маме своей заболелой подруги, и в порядке коммунистического поручения...

Говоря о теме любви, Е. Успенская сказала, что в этом вопросе мы порой были похожи на людей, которые получили землю под сад, но боясь, как бы на этой земле не выросли сорняки, залили участок асфальтом. Но беда в том, что сорняки живучи. Они приспособляются к различным условиям и рано или поздно разрывают асфальт, все-таки появившись на свет.

Сейчас мы правильно озабочены совсем другим: как на этой земле вырастить прекрасные, новые цветы со стойкой корневой системой.

Открывая конференцию, К. Федин заметил, что наш читатель неоднороден. Это, конечно, верно, — сказал Н. Чуковский. Но при всем том все слои наших читателей хотят, чтобы литература говорила о самом важном.

Мне кажется, что дискуссия о положительном герое, прошедшая перед съездом, внесла большую путаницу в представления наших читателей, и если мы не проясним эти вещи, это нам будет очень мешать в дальнейшем. В этой дискуссии, мне кажется, обе стороны были неправы. Спор шел таким образом: есть люди «спяньки» и есть «бянки», и сколько тех и других может быть в произведении...

Настоящий, живой человек состоит из какого-то количества качеств, переходящих одно в другое, обусловленных жизненными обстоятельствами и существующих в естественной среде. И писатель должен их показывать в этой естественной среде.

Советская литература — это такая литература, которая открыто ставит перед собой воспитательные задачи. Но воспитательная роль литературы, особенно прозы, осуществляется не назидательными и рассуждениями, а через изображение характера.

Изобразить подлинный характер чрезвычайно трудно. Характер определяется не тем, что вы скажете: это человек

потому, что у читателя есть горячая потребность читать о любви, и автор просто отвечает этой потребности читателя.

Замысел романа К. Львова «Елена» интересен, она дает трех хороших людей, их сложные человеческие отношения, но они воплощены так, что выглядят мало интересными. Поощряет разнаты по всему произведению — от характера взаимоотношений героев до языка автора.

В романе много страниц, где говорится о философских вещах, которые читает героиня, о высокомолекулярных соединениях, но эти страницы не связаны с характером человека, нет внутреннего убеждения, что вы вместе дело с научными работниками, не показано это все через богатство чувств человека. Это произведение о непреложности человеческих страстей, о роковых чувствах не может помочь воспитывать молодежь.

Далее С. Бабенцева говорит о теме, характерной для книг последнего времени, — воспитание мужества, смелости, большого доверия и уважения к человеку. Эта тема прошла через очерки А. Калинин, В. Тендрок, В. Овечкина, в нынешнем году раскрылась в произведениях Д. Гранина, К. Николаева и В. Некрасова. С. Бабенцева не соглашается со статьей А. Тарасенкова о книге В. Некрасова, считая, что критик не заметил главного: как растет мужество человека в борьбе.

А любовные отношения и чувства изображены так, что они непонятны ни самому герою, ни читателю. Создается впечатление, что повесть написана без всякой внутренней задачи, написана не потому, что автор не мог ее не написать, а

Значение конфликта

— За последнее время мне пришлось побывать на многих читательских конференциях по новому роману, — говорит Д. Гранин, — и хочется сказать о двух любопытных темах, которые прозвучали в большинстве читательских выступлений. Прежде всего меня спрашивали, почему в «Искателях» не вскрыты причины возникновения таких характеров, как Потанинко и Долгин. Читатели задавали вопрос, откуда у Потанинко, выросшего в советских условиях, появились такие особенные черты характера, которые делают его противником народа. Почему вскрыты причины возникновения этих качеств, имеющихся в романе, справедливо не удовлетворяли читателей.

Е. Успенская спорит с Г. Бровманом, высказавшим по ее мнению, опасение вообще по поводу темы любви в литературе, ее много ли, дескать, стало о ней писать? Думается, нет. Надо помогать нашей молодежи чувствовать глубоко и бороться за свое чувство. И дело не в тех ситуациях, которые берет автор, они могут быть любые, лишь бы были правдивы и верно решены.

Вот яркий пример, как, повзвизывая отрицательное явление, можно воспитать чистые чувства в читателе. Герой романа Д. Гранина Лобанов любит замужнюю женщину. Они встречаются в чужой комнате, злут, скрывают чувства, и когда герой понимает, что эти отношения противны его существу, читатель соглашается с ним.

А вот роман К. Львова «Елена» я, например, восприняла, как личную беду. Это же профанация темы любви! И самое опасное, что К. Львова будет аргументировать, что ей много пишут по поводу этой книги.

Это верно, так оно и есть. Но это тот случай, когда не всякие письма должны являться критерием для писателя, так как мы воспитываем нашего читателя. А эта книга пробуждает в нем не лучшие его качества, а худшие.

Героиня положительная — член партии, ученая. И не в том беда книги, что в ней выведена женщина, изменившая мужу. Это бывает, и мы должны помочь людям разобраться в таких сложных переживаниях, помочь выйти из правильного выхода. Беда в другом: автор обожествляет героиню от решения всех трудных вопросов. Когда она беременна от человека, который не является ее мужем, — все решает автомобильная катастрофа. Когда возникает необходимость решить, оставаться ли Елене с мужем или с возлюбленным, — автор немедленно отправляет героиню в дальнюю командировку. В итоге получается, что Елена, не решившая ничего, разбившая жизнь двух людей, уходит из первой части книги доброй и милой, с ореолом невинно пострадавшей.

добрый или умный, а только поведением людей, поступками, нравственным в реально существующей обстановке.

Когда я хочу вспомнить самый яркий характер, который на меня произвел самое большое впечатление за последние годы, то я всегда вспоминаю Травкина из «Звезд» Э. Казакевича. Там пет расуждений или подробных описаний качества героя. Травкин только действует, и характер получился грандиозный.

Все герои этой повести умирают, но это совершенно не создает ощущения пессимизма, потому что то, за что они погибли, так громко, что за это стоит погибнуть.

Другой сильный и яркий характер изобразил А. Бек в «Волоколамском шоссе». Это очень умная книга. Традиционным изображением войны, в которой маленький человек мечется, спасая себя, не понимая того, что реально происходит, А. Бек противопоставил фигуру командира, который делает войну, который в войне относится, как к своему настоящему профессиональному делу.

Он действует, он защищает Москву, ему ясно, для чего он это делает, ему ясно, на что направлены его мысли. Это характер большой и воспитывающий.

В литературе должен быть показан характер, действующий в больших обстоятельствах. Мы живем в мире огромных событий. И когда делаются попытки мелких бытовых зарисовок, существующих почти вне истории, это производит смешное впечатление.

Заставьте героя бороться, — и он станет характером. Заставьте героя бороться за правду, — и он поведет за собой людей!

любовь, и автор просто отвечает этой потребности читателя.

Замысел романа К. Львова «Елена» интересен, она дает трех хороших людей, их сложные человеческие отношения, но они воплощены так, что выглядят мало интересными. Поощряет разнаты по всему произведению — от характера взаимоотношений героев до языка автора.

В романе много страниц, где говорится о философских вещах, которые читает героиня, о высокомолекулярных соединениях, но эти страницы не связаны с характером человека, нет внутреннего убеждения, что вы вместе дело с научными работниками, не показано это все через богатство чувств человека. Это произведение о непреложности человеческих страстей, о роковых чувствах не может помочь воспитывать молодежь.

Далее С. Бабенцева говорит о теме, характерной для книг последнего времени, — воспитание мужества, смелости, большого доверия и уважения к человеку. Эта тема прошла через очерки А. Калинин, В. Тендрок, В. Овечкина, в нынешнем году раскрылась в произведениях Д. Гранина, К. Николаева и В. Некрасова. С. Бабенцева не соглашается со статьей А. Тарасенкова о книге В. Некрасова, считая, что критик не заметил главного: как растет мужество человека в борьбе.

Много писалось о том, что советские условия не могут породить никаких отрицательных свойств человеческого характера. Между тем у нас есть ряд внутренних противоречий, которые развиваются благодаря тому, что старое умирает, а новое возникает в борьбе. И нужно вскрыть и показать эти условия и то, как они порождают те или иные качества характера.

в литературе. В частности, я имею в виду примитивный художественный прием контраста.

В романе В. Кочетова «Молодость с нами» Макареву — секретарю райкома, творческому партийному работнику, — противопоставлен Иванов — формалист. У меня в «Искателях» формалист Долгину — Борщев, живая, творческая личность. Все эти характеры построены по принципу контраста, а ведь конфликт возможен не только между хорошим партийным работником и таким, которого надо гнать из партии. В романе А. Фалеева «Последний из уланов» сталкиваются различные точки зрения большевиков-руководителей. Это различие приводит к острому, тяжелым конфликтам, а между тем и Алеша Чуркин и Сурков — превосходные коммунисты, отличные люди. Но при всем единстве их мировоззрения — единстве в главном — они тем не менее спорят, борются между собой, потому что у них есть различные политические оценки того или иного события. Это богатство оттенков как-то исчезло у нас в литературе.

Очень интересные слова Ангельса о том, что личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она делает, помогают много понять в этом вопросе. Мне думается, большая заслуга повести Г. Николаевой, в которой есть ряд недостатков (о них у нас почему-то не говорили), в том, что там ясно показано, как Ковшова действует. Эта индивидуальность характера героини, проявляющаяся в ее поступках, действиях, очень выгодно отличает книгу от других произведений.

В союзе писателей говорилось о том, что для всестороннего изображения человека необходимо раскрывать как его общественную, так и личную жизнь. Думается, что в обязательности таких требований лежит опасность новой схемы.

Многие ли мы знаем, например, о личной жизни Чапаева, Левинского, Батманова? Но тот же Батманов для меня абсолютно живой человек. Стоит ли требовать от Ажаева, чтобы он «обогащал» своего героя через какие-то его, допустим, любовные переживания.

Мы можем, например, совершенно забыть сюжет человеческого «Человека в футляре», но Беликов, сошедший со страниц этого рассказа, представляется нам настолько реальным, что мы могли бы его поставить в любую ситуацию, и будет ясно, что станет делать Беликов, какое у него будет выражение лица. А то, как добился этого художник, — его дело.

Многие ли мы знаем, например, о личной жизни Чапаева, Левинского, Батманова? Но тот же Батманов для меня абсолютно живой человек. Стоит ли требовать от Ажаева, чтобы он «обогащал» своего героя через какие-то его, допустим, любовные переживания.

Мы можем, например, совершенно забыть сюжет человеческого «Человека в футляре», но Беликов, сошедший со страниц этого рассказа, представляется нам настолько реальным, что мы могли бы его поставить в любую ситуацию, и будет ясно, что станет делать Беликов, какое у него будет выражение лица. А то, как добился этого художник, — его дело.

Многие ли мы знаем, например, о личной жизни Чапаева, Левинского, Батманова? Но тот же Батманов для меня абсолютно живой человек. Стоит ли требовать от Ажаева, чтобы он «обогащал» своего героя через какие-то его, допустим, любовные переживания.

Мы можем, например, совершенно забыть сюжет человеческого «Человека в футляре», но Беликов, сошедший со страниц этого рассказа, представляется нам настолько реальным, что мы могли бы его поставить в любую ситуацию, и будет ясно, что станет делать Беликов, какое у него будет выражение лица. А то, как добился этого художник, — его дело.

Многие ли мы знаем, например, о личной жизни Чапаева, Левинского, Батманова? Но тот же Батманов для меня абсолютно живой человек. Стоит ли требовать от Ажаева, чтобы он «обогащал» своего героя через какие-то его, допустим, любовные переживания.

Мы можем, например, совершенно забыть сюжет человеческого «Человека в футляре», но Беликов, сошедший со страниц этого рассказа, представляется нам настолько реальным, что мы могли бы его поставить в любую ситуацию, и будет ясно, что станет делать Беликов, какое у него будет выражение лица. А то, как добился этого художник, — его дело.

Многие ли мы знаем, например, о личной жизни Чапаева, Левинского, Батманова? Но тот же Батманов для меня абсолютно живой человек. Стоит ли требовать от Ажаева, чтобы он «обогащал» своего героя через какие-то его, допустим, любовные переживания.

Мы можем, например, совершенно забыть сюжет человеческого «Человека в футляре», но Беликов, сошедший со страниц этого рассказа, представляется нам настолько реальным, что мы могли бы его поставить в любую ситуацию, и будет ясно, что станет делать Беликов, какое у него будет выражение лица. А то, как добился этого художник, — его дело.

Многие ли мы знаем, например, о личной жизни Чапаева, Левинского, Батманова? Но тот же Батманов для меня абсолютно живой человек. Стоит ли требовать от Ажаева, чтобы он «обогащал» своего героя через какие-то его, допустим, любовные переживания.

Мы можем, например, совершенно забыть сюжет человеческого «Человека в футляре», но Беликов, сошедший со страниц этого рассказа, представляется нам настолько реальным, что мы могли бы его поставить в любую ситуацию, и будет ясно, что станет делать Беликов, какое у него будет выражение лица. А то, как добился этого художник, — его дело.

Многие ли мы знаем, например, о личной жизни Чапаева, Левинского, Батманова? Но тот же Батманов для меня абсолютно живой человек. Стоит ли требовать от Ажаева, чтобы он «обогащал» своего героя через какие-то его, допустим, любовные переживания.

Мы можем, например, совершенно забыть сюжет человеческого «Человека в футляре», но Беликов, сошедший со страниц этого рассказа, представляется нам настолько реальным, что мы могли бы его поставить в любую ситуацию, и будет ясно, что станет делать Беликов, какое у него будет выражение лица. А то, как добился этого художник, — его дело.

Многие ли мы знаем, например, о личной жизни Чапаева, Левинского, Батманова? Но тот же Батманов для меня абсолютно живой человек. Стоит ли требовать от Ажаева, чтобы он «обогащал» своего героя через какие-то его, допустим, любовные переживания.

Мы можем, например, совершенно забыть сюжет человеческого «Человека в футляре», но Беликов, сошедший со страниц этого рассказа, представляется нам настолько реальным, что мы могли бы его поставить в любую ситуацию, и будет ясно, что станет делать Беликов, какое у него будет выражение лица. А то, как добился этого художник, — его дело.

Многие ли мы знаем, например, о личной жизни Чапаева, Левинского, Батманова? Но тот же Батманов для меня абсолютно живой человек. Стоит ли требовать от Ажаева, чтобы он «обогащал» своего героя через какие-то его, допустим, любовные переживания.

Мы можем, например, совершенно забыть сюжет человеческого «Человека в футляре», но Беликов, сошедший со страниц этого рассказа, представляется нам настолько реальным, что мы могли бы его поставить в любую ситуацию, и будет ясно, что станет делать Беликов, какое у него будет выражение лица. А то, как добился этого художник, — его дело.

Многие ли мы знаем, например, о личной жизни Чапаева, Левинского, Батманова? Но тот же Батманов для меня абсолютно живой человек. Стоит ли требовать от Ажаева, чтобы он «обогащал» своего героя через какие-то его, допустим, любовные переживания.

Мы можем, например, совершенно забыть сюжет человеческого «Человека в футляре», но Беликов, сошедший со страниц этого рассказа, представляется нам настолько реальным, что мы могли бы его поставить в любую ситуацию, и будет ясно, что станет делать Беликов, какое у него будет выражение лица. А то, как добился этого художник, — его дело.

Многие ли мы знаем, например, о личной жизни Чапаева, Левинского, Батманова? Но тот же Батманов для меня абсолютно живой человек. Стоит ли требовать от Ажаева, чтобы он «обогащал» своего героя через какие-то его, допустим, любовные переживания.

Мы можем, например, совершенно забыть сюжет человеческого «Человека в футляре», но Беликов, сошедший со страниц этого рассказа, представляется нам настолько реальным, что мы могли бы его поставить в любую ситуацию, и будет ясно, что станет делать Беликов, какое у него будет выражение лица. А то, как добился этого художник, — его дело.

На читательских конференциях выходила на трибуну девушка и юноши и говорили, что неужели же жизнь, которая показана в романе «Искатели», так тяжела и трудна на самом деле? Сопоставляя эти высказывания с выступлениями на этих же конференциях других, более опытных товарищей, я убедился, что у известной части нашей молодежи сложилось очень неправильное представление о советской жизни только как о нарядной, тщательно умытой, безумно легкой и гладкой. Такие настроения лишь демобилизуют молодежь. Отчасти виновна в этом и литература, которая изображала современность нашу, как этакую «райскую жизнь», без борьбы, без тяжелых переживаний, связанных порой с поражением героя и т. д.

А между тем чем привлекает молодежь образы Овца, Спартака, Кочагина? Прежде всего тем, что это характеры борющихся, не просто борцов, которых в литературе немало, и самого разного толка, а борцов, наделенных качествами революционного порядка, волеющих со старыми, отживающим. Создание таких сильных, волевых характеров, не сложенных тяжелыми условиями, в каких они оказываются, — одна из главных воспитательных задач литературы.

Величина препятствий, возникающих на пути героя, не должна смущать писателя; эти препятствия — плодотворный материал для раскрытия образа героя.

Конечно, играет роль и качество этих препятствий. Например, в упоминавшемся уже повести Г. Николаевой качество препятствий, преодолеваемых Ковшовой, не получает достаточно обобщенного социального звучания, они сведены к данным противникам, к данным характерам. За образом директора МТС, главного инженера слабо чувствуется то, что это трудности, проблемы, которые сегодня возникают в деревне. А между тем выбор препятствий также играет большую роль.

В МТС мне пришлось столкнуться с таким случаем. Тракторист должен перебраться на усадьбу МТС из колхоза. В одной семье тракториста не пускает жена: у нее зять родственники, она привыкла к деревне. В другой — не хочет перебраться потому, что там люди привыкли к колхозной жизни, и стать работником, лишиться привычного жизненного уклада — страшно. Несомненно, что из этих двух конфликтов, одинаково трудных для человека, второй более интересен для художника, как типичный. Вот почему и вопрос о выборе конфликта, мне думается, многое определяет в создании характера героя.

А как дается пейзаж? Как правило, он существует только для развития диалога. А как умели использовать пейзаж наши великие писатели? Вспомните Чехова. У него в «Мужиках» есть прелестное описание утра: «Повеяло теплотой, стало отрадно. Какое прекрасное утро! И, вероятно, какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда, ужасная, бесконечная нужда, от которой нигде не спрячешься!» После великолепнейшей картины художник имеет полное право поучать, тогда слова его проносятся буквально в самое сердце.

Мы говорим обычно: хорошо пишет Федин, Паустовский, умеет писать Катаев. Как будто бы только они должны писать хорошо, а остальные могут передавать только один идею, к тому же сухим языком, в плоских диалогах. Критикам нужно больше уделять внимания анализу языка и стиля.

А как дается пейзаж? Как правило, он существует только для развития диалога. А как умели использовать пейзаж наши великие писатели? Вспомните Чехова. У него в «Мужиках» есть прелестное описание утра: «Повеяло теплотой, стало отрадно. Какое прекрасное утро! И, вероятно, какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда, ужасная, бесконечная нужда, от которой нигде не спрячешься!» После великолепнейшей картины художник имеет полное право поучать, тогда слова его проносятся буквально в самое сердце.

Мы говорим обычно: хорошо пишет Федин, Паустовский, умеет писать Катаев. Как будто бы только они должны писать хорошо, а остальные могут передавать только один идею, к тому же сухим языком, в плоских диалогах. Критикам нужно больше уделять внимания анализу языка и стиля.

А как дается пейзаж? Как правило, он существует только для развития диалога. А как умели использовать пейзаж наши великие писатели? Вспомните Чехова. У него в «Мужиках» есть прелестное описание утра: «Повеяло теплотой, стало отрадно. Какое прекрасное утро! И, вероятно, какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда, ужасная, бесконечная нужда, от которой нигде не спрячешься!» После великолепнейшей картины художник имеет полное право поучать, тогда слова его проносятся буквально в самое сердце.

Мы говорим обычно: хорошо пишет Федин, Паустовский, умеет писать Катаев. Как будто бы только они должны писать хорошо, а остальные могут передавать только один идею, к тому же сухим языком, в плоских диалогах. Критикам нужно больше уделять внимания анализу языка и стиля.

А как дается пейзаж? Как правило, он существует только для развития диалога. А как умели использовать пейзаж наши великие писатели? Вспомните Чехова. У него в «Мужиках» есть прелестное описание утра: «Повеяло теплотой, стало отрадно. Какое прекрасное утро! И, вероятно, какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда, ужасная, бесконечная нужда, от которой нигде не спрячешься!» После великолепнейшей картины художник имеет полное право поучать, тогда слова его проносятся буквально в самое сердце.

Мы говорим обычно: хорошо пишет Федин, Паустовский, умеет писать Катаев. Как будто бы только они должны писать хорошо, а остальные могут передавать только один идею, к тому же сухим языком, в плоских диалогах. Критикам нужно больше уделять внимания анализу языка и стиля.

А как дается пейзаж? Как правило, он существует только для развития диалога. А как умели использовать пейзаж наши великие писатели? Вспомните Чехова. У него в «Мужиках» есть прелестное описание утра: «Повеяло теплотой, стало отрадно. Какое прекрасное утро! И, вероятно, какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда, ужасная, бесконечная нужда, от которой нигде не спрячешься!» После великолепнейшей картины художник имеет полное право поучать, тогда слова его проносятся буквально в самое сердце.

Мы говорим обычно: хорошо пишет Федин, Паустовский, умеет писать Катаев. Как будто бы только они должны писать хорошо, а остальные могут передавать только один идею, к тому же сухим языком, в плоских диалогах. Критикам нужно больше уделять внимания анализу языка и стиля.

А как дается пейзаж? Как правило, он существует только для развития диалога. А как умели использовать пейзаж наши великие писатели? Вспомните Чехова. У него в «Мужиках» есть прелестное описание утра: «Повеяло теплотой, стало отрадно. Какое прекрасное утро! И, вероятно, какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда, ужасная, бесконечная нужда, от которой нигде не спрячешься!» После великолепнейшей картины художник имеет полное право поучать, тогда слова его проносятся буквально в самое сердце.

Мы говорим обычно: хорошо пишет Федин, Паустовский, умеет писать Катаев. Как будто бы только они должны писать хорошо, а остальные могут передавать только один идею, к тому же сухим языком, в плоских диалогах. Критикам нужно больше уделять внимания анализу языка и стиля.

А как дается пейзаж? Как правило, он существует только для развития диалога. А как умели использовать пейзаж наши великие писатели? Вспомните Чехова. У него в «Мужиках» есть прелестное описание утра: «Повеяло теплотой, стало отрадно. Какое прекрасное утро! И, вероятно, какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда, ужасная, бесконечная нужда, от которой нигде не спрячешься!» После великолепнейшей картины художник имеет полное право поучать, тогда слова его проносятся буквально в самое сердце.

Мы говорим обычно: хорошо пишет Федин, Паустовский, умеет писать Катаев. Как будто бы только они должны писать хорошо, а остальные могут передавать только один идею, к тому же сухим языком, в плоских диалогах. Критикам нужно больше уделять внимания анализу языка и стиля.

А как дается пейзаж? Как правило, он существует только для развития диалога. А как умели использовать пейзаж наши великие писатели? Вспомните Чехова. У него в «Мужиках» есть прелестное описание утра: «Повеяло теплотой, стало отрадно. Какое прекрасное утро! И, вероятно, какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда, ужасная, бесконечная нужда, от которой нигде не спрячешься!» После великолепнейшей картины художник имеет полное право поучать, тогда слова его проносятся буквально в самое сердце.

Мы говорим обычно: хорошо пишет Федин, Паустовский, умеет писать Катаев. Как будто бы только они должны писать хорошо, а остальные могут передавать только один идею, к тому же сухим языком, в плоских диалогах. Критикам нужно больше уделять внимания анализу языка и стиля.

ХАРАКТЕРА СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Против идеализации

Проблемы воспитания характера и чувств, которые тесно связаны с мировоззрением, с идейной зрелостью, рассматривает Е. Златова.

Факт существования двух систем — лагеря социализма и лагеря капитализма — вовсе не влечет за собой примирения противоположных мировоззрений, благодушного отношения к проявлениям чуждой нам идеологии: к национальной розни, космополитизму, проповеди классового мира, разнузданной эротике, которые заражают порой кое-кого из нашей молодежи. Литература обязана вооружить читателя с самого раннего возраста против этих чуждых влияний. Намим детям очень нужно ясно представить себе, почему капиталистический строй был нестерпим для многих миллионов людей, почему эти люди, жертвуя своей жизнью, стремились его опрокинуть. Только тогда, когда будет создано это ясное представление, слова «революция», «классовая борьба» станут для детей не терминами из учебника истории, а жизнью. В этой связи Е. Златова дает подробный анализ новой повести В. Инбер «Как я была маленькой», изданной Детизмом.

Все изображенное в этой книге очень зримо, осязаемо, пересыпано теми находками художественной зоркости к деталям, которые присущи прозе Инбер — прозе поэта. Одесса. Небо переперекнуто хвостом кометы Галлея, — стало быть, 1910 год. Главная героиня — девочка из интеллигентной семьи, в которой и папа и мама работают, как тогда говорились, «на ниве просвещения». В столовой — портрет Ушинского. Папа правит в издательстве гранка и пишет научно-популярные брошюры. Знаменитый скрипач дядя Оскар дает бесплатный концерт для студентов. Вукарице Дарюшке разрешают оставить у себя племянницу, маленькую Устиньку, помещая ее в кухню за занавеской. Знакомый студент говорит, что самое важное — это «чтобы людям хорошо жилось».

Словом, в атмосфере дома разлит тонкий аромат прогрессивности, не нарушающий размеренного режима того комфорта, розового мира, в котором растет Верочка. Нам знакома уже по детской литературе примерно такая же семья. Это семья Пети Бачей из повести В. Катаева «Беллет парус одинокий». Однако в ней, кроме Петинного дома, существует мир Ближних Мельниц, обманутой торговкой голландий Гаврик, его брат — комитетчик Терентий, матрос-большевик Жукон, чувствуется могучее дыхание рабочего класса, его революционная воля и энергия. Комнатные пред-

ставления Пети о жизни все время превращаются в деловую, разнузданную, разрушающую влекле иллюзии взглядом Гаврика. Поэтому в повести «Беллет парус одинокий» прошлое предстает перед читателем-ребенком, как мир режиссер противоречий. Если бы писатель ограничился показом честной, гуманной и даже либеральной семьи Бачей, как некоего замкнутого и не потревоженного мира, то из-под его пера вышла бы не правдивая, полная революционной романтики книга, а сладкая и фальшивая пиллила.

Нужно к тому же добавить, что если такой прогрессивный интеллигент, как учитель Бачей, хотел оставаться последовательно честным до конца, то и его благополучию скоро пришла бы пора, что и показано Катаевым в глазах нового романа, начатых в «Огоньке».

Книжка Веры Инбер кончается сценею ночного обрыва: полицейские искали брошюры, написанные против царя, «но у папы таких брошюр не было», — закончил сообщает девочка. Этот «конфликт с самодержавием» оказывается неразрешимым. У родителей Верочки не было, собственно говоря, никаких оснований восставать против строя, который ничем не угрожал их уютному быту, их общественному положению.

Мирное, незлобиво-улыбчивое отношение к дореволюционной жизни окрашивает всю книжку. Ласковый семейный мирок замкнут почти герметически.

Нужно ли доказывать, что точка зрения девочки из мелкобуржуазной семьи не годится для того, чтобы правдиво показывать дореволюционную действительность? Нужно ли доказывать, что ее понимание жизни малюта даже для критического реализма?

Вспомним, что в описании барского детства — в «Детстве» Льва Толстого и в «Детстве Никиты» Алексея Толстого — есть выразительные и правдивые картины жизни народа. И В. Инбер в автобиографическом открытии «О моем детстве» в свое время сумела показать образ интеллигента, который в молодости собирался «сеять разумное, доброе, вечное», а законил тем, что стал козырным типографом и залупился во внутренних противоречиях. Устами революционерки Анны писательница дала беспощадную классовую оценку его образу.

Суровая правда жизни есть единственная правда, воспитывающая детей в революционном духе, и здесь всякие «смягчения» и «умолчания» могут быть названы только одним словом — идеализация прошлого.

Автор и его позиция

С решительной защитой романа К. Львова «Елена» выступил П. Нилина. Он считает, что в этом романе созданы живые образы советских людей, у которых, помимо любовных переживаний, есть серьезное дело и они занимаются им очень интересно. Однако, говорит П. Нилина, это дело не всегда органично проникает в жизнь героев, сами герои страдают общественной замкнутостью, и — главное — автор не сумел дать твердой нравственной оценки всему происходящему в романе.

Но мы должны не только вскрыть недостатки книг, сказал выступавший, но и отмечать их достоинства, потому что есть опасность, что строгий проработкой мы иссушаем какие-то группы писателей и у нас еще лет пять не будет романов о любви, о семейной жизни, которые очень нужны читателям.

Призывая к уважительной критике, П. Нилина далее весьма резко и пространно возразил молодым критикам С. Ларину и Д. Николаеву, отрицательно оценившим его роман «Поэзия в Москве».

Что мешает повышению роли книг в формировании характера читателя? — спрашивает Е. Воробьева. — Я вижу здесь три основных недостатка. Прежде всего неправильно представление о том, что такое полнокровное изображение героя, ложное убеждение, что герой обязательно должен быть показан автором во всех сторонах его жизни. Задача в том, чтобы герой, в какой бы обстановке он ни оказался, был написан с достаточной достоверностью и психологической глубиной. Тогда можно будет представлять его во всех жизненных обстоятельствах.

Далее — широта описания без глубины обобщения, отсутствие больших, цельных характеров. Этим грешит, например, последний роман В. Кочетова «Молодость с нами».

И, наконец, вопрос об изображении противника. Если обратиться к литературе о Великой Отечественной войне, то нужно будет признать, что в ряде произведений мы сильно погрелись против правды, изображая противника приукрашиваемым, трусливым. Практика показывает, что только тогда удается создать яркий образ героя, когда тот ведет борьбу с сильным противником.

Статья Н. Панова о повести Некрасова озаглавлена потому, что в ней применяются «запрещенные приемы». Аналогия с героями Ремарка возможна при условии, если бы критик сказал, как по-разному дальше складывается жизнь у героев Некрасова и у героев Ремарка.

Писательница К. Львова качает своим речью с того, что ей предельно тяжело обвинение: т.т. Броням, Бабеншиной и Успенская определила ее роман «Елена» как морально растлевающую книгу.

Писательница объясняет замысел своего романа, как покал тех моральных основ, на которых может быть построена настоящая, крепкая советская семья. Героиня переживает немало несчастий и унижений из-за того, что не может подчинить своей воле чувство к Ремезову, но остается стоять на ногах потому, что она — трудящаяся женщина, имеющая в жизни большую цель, обязательства перед обществом.

— Главное, ради чего живут герои романа, — это труд, — говорит она, — но, сле-

дую жизненной правде, я показываю, что чувства, любовные переживания предвзвешивают свои права в жизни. Живые, деятельные люди ищут и должны найти достойный выход из тех сложных обстоятельств, в каких они оказались.

К. Львова считает, что рецензия Т. Смолянской в «Комсомольской правде», обвиняющая роман «Елена» в позитивизме, пошлости, грубо искажала содержание и моральную направленность романа.

Читатели поняли мою книгу так же четко, как я ее задумала, — заключает Львова. — Книга не кончена, она обрывается на самом горячем этапе судеб моих героев. Я буду работать дальше.

— Достаточно ли мы вооружаем нашу молодежь уметь бороться с трудностями, которые могут встретиться на ее жизненном пути?

Поставив этот важный вопрос, О. Писаржевский подробно разбирает основную идею романа В. Горбатова «Донбасс», образы героев «Повести о директоре МТС и главном агрономе» Г. Николаевой и романа Д. Гранина «Искатели». В этих произведениях, как он считает, правильно определена и верно решена проблема воспитания характера советского человека.

Пафос позиции «главного агронома» в том, что она хочет жить и работать так, как «написано» в книгах, газетах, в нашей программе, в документах партии. Очень важно пресекать попытки отравить молодежь убеждением, что написанное — это одно, а жизнь — это другое, что слово и дело могут существовать рядом, не совмещаясь!

Особенно важно воспитание в наших людях принципиальности, чувства личной ответственности за все происходящее в жизни. А этого не может быть без воспитания горячего чувства любви к нашей социалистической Родине.

Пример хорошей воспитательной литературы для юношества, по словам оратора, — повесть Л. Соболева «Зеленый луч», многие рассказы Ю. Нагибина, повесть В. Тендрякова «Не ко двору».

Оратор категорически возражает против выступления газеты «Комсомолец» против выступления газеты «Комсомолец», не разобравшейся в глубоко прогрессивной тенденции произведения Тендрякова. Не согласен он и с обвинением в пошлости романа «Елена» К. Львова.

В начале своего выступления Н. Панов говорит о двух хороших романах, которые могли бы стать предметом серьезного разговора на этом собрании. — С. Голубева «Богда крепости не сломается» и молодого автора А. Барышников «Кто честен и смел».

Далее он полемизирует с теми, кто выступал против его опубликованной в «Литературной газете» статьи о повести В. Некрасова. По мнению Н. Панова, критик Т. Трифонова, возражая ему, не сумела доказать принципиальность некрасовских героев. Не согласен он и со словами Е. Воробьевой, который считает, что он, Панов, применял в оценке Некрасова «запрещенные приемы».

— Я выступил со статьей в «Литературной газете» не потому, что хотел «разнести» писателя, а потому, что меня глубоко огорчило это произведение талантливого автора, потерпевшего, как мне кажется, большую и горестную неудачу.

Воспитание чувств

Свое выступление, посвященное воспитанию чувств, воспитанию душевной грамотности, Н. Атаров начал с того, что прочитал письмо группы молодых рабочих и студентов, полученное редакцией «Литературной газеты». В этом письме молодые читатели, просмотревшие фильм «Ромео и Джульетта», недоумевают по поводу «искренней, безумной и несправедливой любви между юношей и девушкой», приведшей к смерти обоих, и заключают: «Глухая, бессмысленная смерть без дуали, без интриг, без всяких причин, толкающих на это. Смерть из-за любви. Бездейно и жестоко».

— Подобная душевная безграмотность, — говорит Н. Атаров, — существует среди некоторой части молодежи, и надо игнорировать существование такого рода явлений, а искать причины их, чтобы устранить. Когда юноши, написавшие это письмо, вырастут и поймут, что Шекспир создал гимн всеобъемлющей любви, гимн вечности чувства, они же нас, писателей, упрекут: «А куда же вы глядели?» — и будут правы. Мы часто обижаемся на такую молодежь, а ведь это мы виноваты, мы что-то проглядели в ее воспитании.

Ведь часто и в произведениях наших писателей не хватает душевного такта, эмоциональной грамотности. Вот, казалось бы, незначительная, случайная деталь. В рассказе А. Милчурова «Шестой вагон» тепло и сердечно рассказано о том, как совсем разные люди, случайно встретившись в вагоне поезда, проявляют свои лучшие чувства, когда в пути у одной из пассажирок внезапно начинается рожь. Но почему-то автору кажется, что появление на свет нового человека не такое уж большое дело.

О рецептах и пропорциях

— Не так давно у нас было такое разделение книг на «производственные» — сельскохозяйственные, транспортные и т. д., — говорит в своем выступлении В. Герасимов. — Потом в определенной пропорции стал привноситься любовный мотив. Но никакими «рецептами» и «пропорциями» не определить необходимость того или иного мотива в книге. В «Чапаеве» Д. Фурманова дело великолепно обходится без любви, в «Звезде» Э. Казакевича многое построено на ней. В одном случае нужно так, в другом — иначе. В повести В. Тендрякова «Не ко двору» почти отсутствует показ героев «на производстве» — то, что есть, скажем, в «Летве» Г. Николаевой, — но оба эти произведения

воспитывают людей в подлинно коммунистическом духе.

Путь героя

Я думаю, что никто из присутствующих здесь, как бы каждый из нас в отдельности ни смотрел на пути развития литературы, говорит В. Некрасов, не станет отрицать большого воспитательного значения ее. Оно бесспорно. Но у каждого вида литературы, будь то педагогическая, критическая или публицистическая, есть свои средства достижения этой цели. Есть они и у художественной литературы. Каковы же ее особенности и почему партия уделяет именно ей столько внимания?

Если бы художественная литература старалась изображать общественные закономерности в их чистом виде, она стала бы вообще не нужна. Не нужны были бы ни пейзажи, ни диалоги, ни герои. Но, очевидно, задача ее в другом. В том, о чем совершенно ясно говорил Ленин в известном письме к Инессе Арманы: «Если брать тему: казу, индивидуальный случай... — эту тему надо разработать в романе (ибо тут весь гадоз в индивидуальной обстановке, в анализе характеров и психики данных типов)». В этом весь смысл существования художественной литературы, ее сила, ее особая роль, которую никакой другой вид идеологической деятельности выполнить не может. Разумеется, речь идет не о редчайших исключениях, несущихся вихрем по народной жизни, — такие «казусы» не могут быть основой реалистического произведения. Но если случай характерен для сотен, тысяч людей, литература обязана им заниматься.

У нас часто говорят: мы должны писать о главном. И многие считают, что этим главным является законченный образ (как в примере, Воропаев), на котором писатель и должен воспитывать читателя. Думаю, что это хотя и очень важный, но не единственный способ воспитания. Литература обязана заниматься и другим — самим процессом переживания человека. Иногда говорят: произведение правдивое, но здесь выказана лишь часть правды, — и видят в этом его недостаток, забывая, что только всей нашей литературе под силу такая задача — отразить жизнь всего общества. Когда же писатель пытается это сделать в одной повести, неизбежно появляются натяжки, которые снижают реализм, правдивость. Если, например, Николай Митяев в моей повести «В родном городе» стал бы рассуждать и действовать с беззастенчивостью Воропаева, читатель бы этому просто не поверил. А без доверия читателя никакое воспитательное воздействие невозможно.

Каждый писатель, работая над своей вещью, испытывает иногда сомнение: верен ли он жизненной правде? Так бывает до тех пор, пока ты чувствуешь свое право делать с героем все, что тебе угодно. Но наступает вдруг момент, когда ты начинаешь терять свою власть над героем, начинаешь зависеть от его воли, его характера. Для меня этот момент очень важен. Я чувствую, что герой стал живым, а это и есть то условие, без которого нельзя заводить диалог с читателем.

У нас много говорят о положительном и отрицательном герое. Но часто очень уж отвлеченно и примитивно представляют себе, кто же это такой, «положительный герой»? По-моему, это человек, пусть не лишенный больших недостатков, но умеющий с ними бороться, человек, в котором в конце концов побеждает основ-

ное событие и он «усплавляет» эффект: женщина родила двух преданных мальчишек». Также двойной дарит и Ирина Сергеевна Тутаринову в романе «Свет над землей», а вот Горькому в рассказе «Рождение человека» не нужно было никаких эффектов, — так чисто и гордо он показывал радость рождения «нового жителя земли русской, человека неизвестной судьбы».

В некоторых рассказах прошлого года — С. Антонова, Б. Бедного, Б. Зубанина, С. Мелешина, Л. Волынского, Г. Радова, Н. Колыстрюка и др. — были выведены в качестве отрицательных персонажей люди охлажденные, циничные, в других — сухие, бездушные формалисты. Тип доктринерки, под предлогом бескомпромиссной принципиальности сводящей личные счеты или безвольно выматывающей на комсомольском собрании душевные тайны друга, хорошо нарисован молодой писатель А. Володин в рассказе «Твердый характер». Думается, что эти две пороки людей взаимосвязаны. И чем меньше у нас будет формалистов, тем меньше будет циников.

Надо не упустить, когда в среде молодежи возникают иногда ошибочные взгляды и настроения, а предупреждать их: это и есть воспитание. Когда часть молодежи увлекалась произведениями скульптора Эрыка, имеющим, по-моему, западный модернистский характер, это означало только протест против монополии некоторых натуралистов в нашей скульптуре. Надо было гораздо раньше устроить выставку С. Ковенкова — замечательного русского художника-великана.

Нам надо неуклонно и терпеливо воспитывать душевную грамотность молодежи, бороться против формализма в воспитании, против расчетливости и догматизма.

Писательница положительно оценивает «Повесть о первой любви» Н. Атарова, в которой отстаивается законное право молодых людей на большую, чистую любовь.

Говоря о повести В. Некрасова «В родном городе», не лишено известных недостатков, оратор подчеркивает удивительную естественность диалогов — эту сильную сторону писателя, которую почти никто не отмечал. В. Герасимов выражает Н. Панову, который, по его мнению, неверно анализирует мотивы поступков героев Некрасова, напрасно приписывает им душевную бедность.

Писательница призывает с большей ответственностью подходить к оценке работы каждого автора.

Положительная тенденция нашего советского общества.

Мне не хотелось бы останавливаться на своей повести (не дело писателя комментировать то, что он написал), но поскольку она вызвала столь различные толкования, в том же сегодня в «Литературной газете» появилась посвященная ей статья Н. Панова, я все же скажу о ней.

Нашу с Ремарка. Упреки в «ремаркизме» я слышал уже давно, еще по поводу первой моей книги. Слышу я их и сейчас. Но есть ли какие-либо основания для проредения параллели между «Возвращением» Ремарка и моей книгой? Кое-какие, пожалуй, есть. И тут и там война, и тут и там возвращение. Но война — вещь сложная. На войне — будь она справедливой или несправедливой — могут убиты. Война часто лишает тебя отца, матери, детей, она может отнять у тебя здоровье, работу. Не всякому, вернувшемуся с войны, сразу удается найти свое место в жизни; может человек и растеряться. У нас, правда, таких людей меньше, чем, допустим, на Западе, но они все-таки есть. И хотя война 1914 года не походила на нашу Отечественную, а герои Ремарка — наши солдаты, что-то общее между ними, между их переживаниями, безусловно, есть. Но только это, не больше. Их отношение к войне, их послевоенная судьба совсем другие. И в этом главное.

Я нарочно взял наиболее сложное стечение обстоятельств в судьбе моего героя. В моей власти было выбрать зрелого человека типа Воропаева, у которого еще до войны совершенно ясно и определенно сложился замысел, но я сознательно взял человека, у которого позади почти ничего не было. На войну Митяев узнает многое, там он становится настоящим человеком. Но вот война для него кончилась. Он возвращается домой. Семья нет, специальность нет, возврата на фронт тоже нет. И вот тут-то возникает бесконечное количество «облазов». Я не согласен с теми, кто считает, что Митяев безвольно плывет по течению. Напротив, он все время борется с ним, борется против засасывающей тины спокойствия, которое он сам осуждает. Он уходит на том, где ему было хорошо, где он любил. Он отказывается от «легких» заработков, не уживается в РГВУ, даже в школе, где все у него как будто хорошо, он не находит удовлетворения. Чувство долга и ответственности перед самим собой и перед всей страной, которое он обрел на фронте, не позволяет ему останавливаться на простом устройстве своей жизни. Поэтому и в институте, достигнув чего-то определенного, он не успокаивается и, рискуя всем, вступает в борьбу с Чекменем.

Я несколько задержался на Николае Митяеве, так как считаю, что в судьбе его, в развитии его характера (так же, как и Сергея Ерошкина, хотя у того по-своему) проявились как раз те черты, которые дают мне право считать и Сергея и Николая героями положительными. В них в конце концов побеждает основная положительная тенденция нашего общества.

Мне кажется, что книги, изображающие борьбу коммунистической идеологии с социальными силами, которые начинают с невысокой ступени и в чрезвычайно трудных обстоятельствах, имеют право на существование в нашей литературе.

Понимать замысел

— Два с половиной года назад одна московская газета, считая, видимо, меня писателем специалистом по осереинению в романах «производственного» с «личным», попросила процензировать книгу молодого писателя из Донбасса, — говорит В. Кочетов. — Я прочитал эту книжку, но рецензировать ее не стал. На каждой странице было видно добросовестное отношение автора к профессии стилистике, в которой он глубоко вник, о котором он с волнением рассказывал. Но люди у него не получились. Обручиваться на книгу мне не захотелось, так как автор только шел по пути многих произведений того времени, в центре которых лежал пресловутый «производственный» конфликт.

Оратор вспоминает доклад К. Симонова на Втором съезде писателей, в котором говорилось, что наиболее плодотворным способом изображения нашей действительности в книгах — в романах, повестях, рассказах — является изображение человека во всех сферах его жизни: производственной, общественной и личной. По словам В. Кочетова, критика ныне зачастую механически лишь под этим углом зрения рассматривает многие произведения.

Он присоединяется к мнению Д. Гранина, считающего, что можно правдиво обрисовать героя и не изображая того, что он делает на производстве, — нужно только правильно передать его мысли, поступки, характер.

Он считает, что критика, дающая своеобразный обзор по поводу

Критиковать — значит любить

Выражая свое недоумение по поводу обидного по форме и безкасающегося по сути выступления П. Нилина с критикой рецензии С. Ларина и Д. Николаева, начатой в «Новом мире», Н. Лавин говорит, что, посвятив немалую часть своей речи по поводу «молодых бесстыдников», как Нилин выразился, он не привел, однако, ни одного примера неточности, передежки, ошибок молодых рецензентов.

Вызывает удивление и то, что серьезный писатель, говоря о «не устроившей» его рецензии на свой роман, ссылается на свои личные заслуги, на знание лауреата, на положительные читательские отзывы. Разве все это должно мешать критике, посвятив немалую часть своей речи по поводу «молодых бесстыдников», как Нилин выразился, он не привел, однако, ни одного примера неточности, передежки, ошибок молодых рецензентов.

— Критиковать — значит любить, безразлично, легче всего поступают в нем обидчивые похвалы, — говорит К. Лавин. Отвечая свою любовь к творчеству С. Антонова, в частности к его «Подвигам», которые он считает «жемчужиной послевоенной советской ли-

В ногу с временем

Если всерьез задуматься о материале Великой Отечествен-

ной войны, в которой приняли участие тысячи наших писателей, то мы увидим здесь громадное количество «белых пятен» во всех жанрах литературы. Не написано ни одной эпической поэмы о войне — ни о тяжелых днях ее, ни о ее победах. А в драматургии? Сегодня, в дни десятилетия юбилея Победы, на афишах театров мы не увидим ни одного названия пьесы, написанной к этой дате.

В теме войны мы найдем величайшие примеры формирования характеров в самых различных обстоятельствах, в самых различных возрастах. Эту тему — одну из самых современных и необходимых — надо разрабатывать глубоко и всесторонне. Это коллективное дело, за которое мы в ответе.

Говоря о повести В. Некрасова «В родном городе», печатавшейся в журнале «Новый мир», К. Симонов считает, что это талантливое произведение было бы сильней и полезней людям, если бы автор явнее увидел, во имя чего борется его герой Митяев за свое «место под солнцем». Хорошо, что писатель показал не людей, пришедших на готовенькое, а изображал, как они преодолевают разнообразные трудности. Но, сохранив житийскую сторону, бытовые «тонкости», нужно было глубже показать героев повести, как людей идейных, показать революционность их борьбы за будущее страны. Если В. Некрасов, как художник, не теряя ничего из того, что он уже имеет, пойдет пути к показу всей остроты происходящей в мире идейной борьбы, то, думается, он придет к новой хорошей и по-настоящему большой книге.

Когда мы думаем о серьезной борьбе, которая происходит в мире, мы твердо убеждены в нашей победе. Но не следует забывать, что в мире есть силы, которые делают, чтобы эта борьба окончилась для нас, наших взглядов и убеждений, нашей литературы и искусства — смертью.

В заключение К. Симонов, солидаризируясь в этом вопросе с выступлением Д. Гранина, говорит: литераторы часто считают, что для того, чтобы построить конфликт, непременно нужно взять черное и белое, хорошего человека противопоставить подлому, и только тогда получится конфликт. Однако это вовсе не всегда так. Д. Гранин привел очень убедительные примеры жестокой борьбы за идею, за идею Суркова и Алехи Маленького в «Последнем из уланов».

Вопрос борьбы взглядов, горячности хороших людей, ошибающихся, но уверенных в том, что именно так, а не иначе нужно в том или ином случае поступить для пользы народного дела, для страны, для победы коммунизма, и их спор — остожевший, резкий, сметающий все лишнее обломок — должен находить себе место в нашей литературе, ибо это признак нового общества, это признак существования новых людей, которые готовы драться до крови, жертвуя своим личным благополучием во имя того, чтобы принести пользу народу, так, как они это понимают, даже подчас заблуждаясь в ходе своих решений и поступков.

Нам часто еще не хватает и смелости, и умения, и глубины для изображения этого, хотя перед нами открыты широкие возможности черпать все это из жизни. Положительно оценивая конференцию, К. Симонов говорит: «Мы в состоянии сказать много правдивого, много спорного, но тем не менее и много интересного друг другу и друг о друге».

Литературная газета № 50 26 апреля 1955 г. 3

образный «рецептурник» — вот так, дескать, способом надо работать, — только залуфтуется. А ведь критики и наше литературоведение должны глубоко разобраться в замыслах автора, понять и объяснить, почему он так, а не иначе построил свое произведение.

Далее В. Кочетов рассказывает о тех больших сложностях, которые были у него при выборе надлежащей формы для романа о рабочем классе, который он задумал писать, пока не полая: строить действие на одной семье. В рамках семьи все прекрасно улеглось — и труд людей и личное. В новом своем романе он пытался найти другую форму, показать конфликт, лежащий в сфере отношения его героев к жизни, к идеалам. Здесь совершенно сознательно опущена деятельность производственного института, где работают герои.

Говоря о страстной читательской заинтересованности в судьбах литературы, В. Кочетов заявляет, что читатель нередко видит в книгах больше, чем критика, их письма очень ценны, особенно если к ним относиться с должной трезвостью. Напрасно никто не обобщает мнения читателей, не собирает эти письма, не интересуется ими. В журналах и газетах нужно проставлять настоящую трибуну читателя.

Остановившись на «Оттепели» И. Эренбурга, оратор говорит, что читатель не забыл этой повести, в большинстве своем резко критикует ее до сих пор. По его мнению, это происходит потому, что советские люди — рабочие, интеллигенция, командиры производства — не узнали себя в ней.

оратор отмечает, что талантливый писатель по-прежнему меж «трех сосен» пресловутого семейного «треугольника», что иногда он вместо глубокого показа явлений жизни, в частности жизни сегодняшней деревни, предпочитает скользить по поверхности. Примеры более «глубокой впадины» показали в своих новых произведениях В. Овечкин, Т. Журавлев, В. Тендряков, описавшие реальные жизненные трудности, непримиримую борьбу своих героев с ними.

Недавние поездки на строительство Гуйбышевской ГЭС и на целину, говорит К. Лавин, подтвердили для него значение повести В. Некрасова «В родном городе» и потому, что в ней правдиво показаны реальные трудности неустойчивой еще частую жизни людей, особенно молодежи, на новом месте, показана борьба с трудностями — именно этим повесть и забирает читателя за живое. Смело и правдиво ставя жизненные проблемы, вопросы любви, брака, семьи, литература принесет несомненную пользу нашему читателю, особенно молодому.

Если всерьез задуматься о материале Великой Отечествен-

ной войны, в которой приняли участие тысячи наших писателей, то мы увидим здесь громадное количество «белых пятен» во всех жанрах литературы. Не написано ни одной эпической поэмы о войне — ни о тяжелых днях ее, ни о ее победах. А в драматургии? Сегодня, в дни десятилетия юбилея Победы, на афишах театров мы не увидим ни одного названия пьесы, написанной к этой дате.

В теме войны мы найдем величайшие примеры формирования характеров в самых различных обстоятельствах, в самых различных возрастах. Эту тему — одну из самых современных и необходимых — надо разрабатывать глубоко и всесторонне. Это коллективное дело, за которое мы в ответе.

Говоря о повести В. Некрасова «В родном городе», печатавшейся в журнале «Новый мир», К. Симонов считает, что это талантливое произведение было бы сильней и полезней людям, если бы автор явнее увидел, во имя чего борется его герой Митяев за свое «место под солнцем». Хорошо, что писатель показал не людей, пришедших на готовенькое, а изображал, как они преодолевают разнообразные трудности. Но, сохранив житийскую сторону, бытовые «тонкости», нужно было глубже показать героев повести, как людей идейных, показать революционность их борьбы за будущее страны. Если В. Некрасов, как художник, не теряя ничего из того, что он уже имеет, пойдет пути к показу всей остроты происходящей в мире идейной борьбы, то, думается, он придет к новой хорошей и по-настоящему большой книге.

Когда мы думаем о серьезной борьбе, которая происходит в мире, мы твердо убеждены в нашей победе. Но не следует забывать, что в мире есть силы, которые делают, чтобы эта борьба окончилась для нас, наших взглядов и убеждений, нашей литературы и искусства — смертью.

В заключение К. Симонов, солидаризируясь в этом вопросе с выступлением Д. Гранина, говорит: литераторы часто считают, что для того, чтобы построить конфликт, непременно нужно взять черное и белое, хорошего человека противопоставить подлому, и только тогда получится конфликт. Однако это вовсе не всегда так. Д. Гранин привел очень убедительные примеры жестокой борьбы за идею, за идею Суркова и Алехи Маленького в «Последнем из уланов».

Вопрос борьбы взглядов, горячности хороших людей, ошибающихся, но уверенных в том, что именно так, а не иначе нужно в том или ином случае поступить для пользы народного дела, для страны, для победы коммунизма, и их спор — остожевший, резкий, сметающий все лишнее обломок — должен находить себе место в нашей литературе, ибо это признак нового общества, это признак существования новых людей, которые готовы драться до крови, жертвуя своим личным благополучием во имя того, чтобы принести пользу народу, так, как они это понимают, даже подчас заблуждаясь в ходе своих решений и поступков.

Нам часто еще не хватает и смелости, и умения, и глубины для изображения этого, хотя перед нами открыты широкие возможности черпать все это из жизни. Положительно оценивая конференцию, К. Симонов говорит: «Мы в состоянии сказать много правдивого, много спорного, но тем не менее и много интересного друг другу и друг о друге».

Литературная газета № 50 26 апреля 1955 г. 3

Ночь с субботы на воскресенье—24 апреля участники конференции провели за усиленной работой. Политический комитет и подкомитеты спешили завершить основные, оставив на утро окончательное редактирование заключительного коммюнике. Долго не расходились журналисты; они старались узнать, что происходит за закрытыми дверями комитетов. В здании «Диварна»—резиденции главных делегаций—продолжались неофициальные встречи. Тысячи жителей Бандунга, не обращая внимания на дождь, терпеливо стояли на улицах, ожидая последних новостей. В Генеральный секретариат со всех концов земного шара продолжали поступать послания, в которых выражались пожелания успеха конференции.

На этой карте, опубликованной в немецкой газете «Нейес Дейчланд», показаны страны, принимающие участие в конференции в Бандунге.

Воскресное утро выдалось солнечное. Улицы наполнили праздничное настроение. Официально не было ничего объявлено, но кругом говорили, что разногласия, вызванные поведением некоторых делегаций, успешно преодолевается. Все уже знали также, что темные элементы, вроде пресловутого представителя «движения за свободу Туркестана», задержаны военной полицией и удалены из Бандунга. Притихли и даже исчезли с горизонта некоторые наиболее оживленные американцы, обратившие на себя внимание местных властей. Словом, атмосфера Бандунга очистилась.

Именно в такой обстановке открылось вечером пленарное заключительное заседание конференции. «Зал Мертека» переполнен. Появляются Неру, Чжоу Энь-лай, У Ну, Насер, Сastroиджиджо, встреченные аплодисментами участников конференции. Сastroиджиджо объявляет заключительное заседание открытым. Читается текст коммюнике конференции 29 стран Азии и Африки, в которое включена Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству. В притихшем зале громко звучат слова, которых все ждали: конференция осуждает колониализм, расовую дискриминацию; высказывается за мир, за разоружение, за запрещение производства, испытаний и применения оружия массового уничтожения; за экономическое и культурное сотрудничество; заявляет о полной поддержке принципа самоопределения народов и наций.

В Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству выражается глубокое беспокойство в связи с нынешней международной напряженностью и связанной с ней опасностью мировой атомной войны. «Проблема мира»,—гласит Декларация,—связана с проблемой международной безопасности. Все страны должны иметь право свободно выбирать свои собственные политические и экономические системы, свой собственный образ жизни в согласии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций.

Декларация призывает развивать дружественное сотрудничество путем уважения основных прав человека, суверенитета и территориальной целостности всех стран, признания равенства всех рас и равенства всех наций, больших и малых; воздержания от интервенции и вмешательства во внутренние дела другой страны; урегулирования всех международных споров мирными средствами.

Затем делегаты с большим вниманием выслушивают краткие заявления глав делегаций.

«Успех конференции,—говорит премьер Государственного совета КНР Чжоу Энь-лай,—заключается в налаживании и укреплении взаимопонимания между странами Азии и Африки и в достижении соглашений по ряду важных вопросов. Этот успех во многом будет способствовать нашей общей задаче — сопротивлению ко-

лонизму, защите всеобщего мира и дальнейшему укреплению дружественного сотрудничества между нами. Эта конференция в значительной мере оправдала надежды народов Азии и Африки, а также всего мира».

Последним выступает Сastroиджиджо, завершивший конференцию.

Историческая конференция окончена. Она показала крепкую солидарность народов Азии и Африки в борьбе за мир, прогресс, против колониализма и агрессии.

Н. СМЕТАНН, специальный корреспондент «Литературной газеты» БАНДУНГ. (По телеграфу).

Провал адвокатов колониализма

Прежде чем прибыть на конференцию в Бандунг, глава филиппинской делегации генерал Ромуло присутствовал на собрании шного порядка. Он принял участие в съезде... работников американской рекламы, на котором выступил с ценными конструктивными предложениями. Америка, заявил он, должна была бы заняться разбрасыванием листовок «по всей Азии», чтобы популяризировать пакт СЕАТО. Тем самым США обеспечат себе поддержку народов Азии, которую они, по его признанию, ныне теряют.

Все дело, оказывается, в том, что американцы, имеющие богатый опыт в рекламном деле, как утверждает Ромуло, не сумели надлежащим образом разразамплить свои цели в районе Тихого океана. Это точка зрения проповедуют и другие коммюнисты империализма. Им кажется, что если переименовать империю в «содружество», колониальное господство в «союзе», грабей в «помощь», агрессию в «оборону» и т. п., то заставить народы поддерживать империалистическую политику агрессии и войны будет так же легко, как сблизить оглушенному покупателю кока-кола. Об этой тактике империализма с циничной откровенностью в свое время говорил один из идеологов современного капитализма Уинстон Черчилль: «Британская империя или Содружество наций. У нас есть торговые этикетки на все вкусы».

В дни конференции стран Азии и Африки американские и английские рекламные мастера работали не покладая рук. Ведь им надо было убедить участников конференции в том, что колониализм, расизма, угрозы атомной войны «не существует». Существуют лишь американские и английские благодетели, стремящиеся бескорыстно помочь «братьям». Колониальные державы,—совершенно серьезно тоном заявил накануне открытия Бандунгской конференции обозреватель лондонского радио Вернон Барглетт,—фактически уже отказались от колониальной политики, существующей только в воображении коммунистических пропагандистов...

Ну, а как же быть с фактами? Разве можно заставить малайский народ забыть, кто в течение семи лет велет против него войну; кто бросил в тюрьмы, расстрелял и повесил 50 тысяч малайских патриотов? Вернону Барглетту и его хозяевам, несомненно, хотелось бы убедить путуроризацию, филиппинцев, латиноамериканцев и народы других стран, предавшихся итай американских монополий, что за горло их душит не Уолл-стрит, а все тот же... вездесущий «коммунизм».

Но народы не верят сказкам империализма. Они знают, что лишь в результате самоотверженной борьбы многие страны Азии и Африки избавились от владычества американских, английских и других колонизаторов. Но умирающий колониализм отчаянно цепляется за жизнь.

— Нам,—заявил на конференции в Бандунге президент Индонезии Сукарно,—часто говорят: «колониализм умер». Не дадим же обмануть или усложнить себя этим. Я говорю вам, что колониализм еще не умер. Как мы можем говорить, что он мертв, если еще не свободны огромные районы Азии и Африки?

Участники Бандунгской конференции дали достойную отповедь апологетам колониализма. Они приняли решения, в которых выразили непреклонную волю народов сбросить ярмо колониального рабства.

Дерек КАРТЭН, английский журналист

ЛОНДОН, апрель.

Адольф Хойзингер

Адольф Хойзингер назначен на пост начальника генерального штаба западногерманской армии. Около 40 лет Хойзингер ретиво служил идеям германского милитаризма. При Гитлере он возглавлял оперативный отдел генерального штаба и непосредственно руководил разработкой плана «Барбаросса»—плана агрессии против СССР. После войны ему не пришлось менять ни профессии, ни убеждений. До последнего времени он руководил военным отделом в ведомстве Бланка.

Хойзингер известен как один из наиболее отпетых милитаристов. В своей книге «Сопротивление приказу» он задним числом упрекает Гитлера за то, что «Фюрер» в 1940 году не уничтожил полностью английскую армию в Дюнкерке (!). (Позволительно полюбопытствовать: имеется ли эта книга в библиотеке английского парламента?). На страницах западногерманской печати Хойзингер беззастенчиво проповедует агрессию против восточноевропейских государств: «...атаковать, как только представится возможность. Действуя такими боевыми методами, Запад должен выступить навстречу Востоку... Это особенно относится к действиям военно-морских и военно-воздушных сил. Только такие потивные методы ведения войны обеспечат успех» (журнал «Боннер хейфте», 15 октября 1953 года).

Генерал-лейтенант гитлеровской армии Ганс Шпейдель, еще будучи офицером спецслужбы, снискал репутацию опытного специалиста в области нелегального вооружения. Помимо того, Шпейдель прославился в военных кругах знакомством Франции. В 1937 году он вел в Париже военные переговоры, целью которых были изоляция СССР и создание антисоветского военного блока. А в 1940 году участвовал в нападении на Францию в качестве начальника штаба IX армейского корпуса. Право, над такой последовательностью событий стоило бы еще раз поразмыслить некоторым французским парламентариям! Позже Шпейдель был переброшен на Восточный фронт, в штаб армейской группировки «В», действовавшей на территории Украины. Здесь Шпейдель проявил себя достойным представителем разбойничьего германского милитаризма, широко применяя варварскую тактику «выжженной земли».

В Бонне по достоинству оценили способности этого генерала и в 1950 году назначили военным экспертом боннского правительства. Не теряя времени, господин эксперт разработал проект создания по обоим берегам Рейна «мертвой зоны», охватывающей территорию не только Западной Германии, но и Бельгии и Голландии. Иначе говоря, свой «украинский опыт» Шпейдель замыслил перенести на Западную Европу. Илан этот, естественно, вызвал сильное возмущение западноевропейской общественности, и боннское правительство постаралось как можно меньше говорить о шпейделевской «идее». Если ко всему этому добавить, что Шпейдель—революционный сторонник применения атомной бомбы, то портрет его будет более или менее полным.

Граф Герхард фон Шверин, бывший гитлеровский генерал, займет, по словам газет, «важный командный пост». Есть основания полагать, что как только западногерманские милитаристы почувствуют

себя достаточно уверенно, они заменят нынешнего фактического военного министра, «штатского» деятеля Теодора Бланка генералом фон Шверинем. Генерал, безусловно, достоин такого «доверия». Старый прусский аристократический род Шверинов—своего рода инкубатор германских милитаристов. В XVIII—XIX вв. из этого семейства вышло 12 генералов. После разгрома Германии в первой мировой войне Герхард фон Шверин оставил военную службу и сделался поверенным одной германской фирмы, по поручению которой неоднократно выезжал за границу. Именно тогда он завязал широкие связи с американскими и английскими военными и деловыми кругами. Вернувшись в 1938 году на родину, Шверин поступил на службу в германский генеральный штаб. В это время он вел жизнь шпиона-двойника, продавая американцам секретные сведения о германской армии, а германскому генштабу—данные о секретных военных приготовлениях США. В дни второй мировой войны генерал Шверин командовал на Восточном фронте 116-й танковой дивизией, которая была наголову разбита войсками 3-го Украинского фронта. Сам Шверин удачно «сотворался» от наступающей Советской Армии и налегке, бросив свои войска и штаб, бежал на Запад.

Герхард фон Шверин

Вероятно, в ведомстве Бланка руководствуются принципом: один битый на Восточном фронте генерал стоит двух битых на Западном. Только этим можно объяснить сообщение западногерманской газеты «Аххенер нахрихтен» о том, что в Бонне генерал Шверин «рассматривается как один из наиболее способных немецких генералов, особо отличившихся на Востоке».

Хассо фон Мантейфель, бывший генерал-лейтенант гитлеровской армии, назначен на пост командующего наземными войсками боннского вермахта. Во время второй мировой войны он командовал дивизией СС «Великая Германия», которая зверствовала во многих странах Европы. Один из любимых Гитлера, Мантейфель быстро продвигался по служебной лестнице и был награжден высшей военной наградой фашистской Германии—орденом «рыцарского креста с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами».

После войны военный преступник Мантейфель, благодаря связям в кругах англоамериканских оккупационных властей, сел не на скамью подсудимых, а в комфортабельное кресло члена правления фирмы «Бауэр и Шайерте» в Дюссельдорфе. Бывший фашистский генерал, а ныне «гражданин» Мантейфель вступил в члены «Свободной демократической партии» (одна из правительственных партий Западной Германии). Выступая в декабре прошлого года в бундестаге, Мантейфель зад ясно понять, что западногерманские и реваншисты не удовлетворяются полуимпериалистической армией, что они потребуют от западных держав разрешения снабдить эту армию атомным, бактериологическим и химическим оружием. Революционеры с такими запросами—сущий клад для американской военщины. Атлантический главнокомандующий Грюнтер увидел в Мантейфеле единомышленника. По сведениям парижского журнала «Франс-обсерватор», Мантейфель будет назначен заместителем верховного главнокомандующего сухопутными вооруженными силами Атлантического блока. А это, в частности, значит, что французскому маршалу Жюноу придется стоять навстречу перел Мантейфель, как так Жюноу занимает в НАТО куда более скромный пост, чем тот, на который прочат Мантейфель!

На посты командующих крупными воинскими соединениями будут назначены бывшие фашистские генералы Венк, Виттерсейм, Эдельсгейм, Гердсдорф, Лютвиц и другие.

Мы могли бы вести читателя и дальше по мрачной галерее портретов военачальников возрождаемого вермахта. Но и сказанного достаточно, чтобы еще раз понять, сколь серьезна угроза и сколь необходима борьба всех миролюбивых народов против демилитаризации Западной Германии.

В. КОЗЬМИН

Рисунок художника ВЕРА-РЕД из немецкой газеты «Нейес Дейчланд»

СОВЕТСКОГО человека живо интересуется все происходящее за рубежом: политические события, борьба народных масс капиталистических стран против политики войны, за свободу и демократию, все явления общественной и культурной жизни. Одна из важнейших задач деятелей советской культуры состоит в том, чтобы знакомить советских людей с достижениями мировой науки, литературы, искусства, критически изучать и осмысливать все ценное в национальных культурах народов всего мира.

Дело труднейшее и серьезнейшее...

Необходимо разоблачать те вопиющие явны и уродства буржуазного общества, которые порождены строем эксплуатации, господства «денежного мешка», капиталистических монополий, стремящихся поставить науку и искусство в положение служанок реакции.

Но изучение буржуазной науки, техники, литературы, искусства представляет собой задачу большую и сложную. В капиталистических странах—в Европе, в Северной и Южной Америке, в Азии—существует и здоровое национальное искусство. В нем действуют не только художники, близкие нам по мировоззрению, но и люди различных политических взглядов. В нашей стране знают и ценят лучшие произведения Синкяера Дьонса, Роже Мартен де Гара, Аруна, Фейхтвангера, Ремарка и многих других значительных современных писателей.

Сказанное относится не только к деятелям искусства.

Известно, например, что многие буржуазные физики и химики, находясь в плену идеалистических представлений, делали и делают открытия, объективно подтверждающие материалистическое мировоззрение. Можно ли, критически характеризуя патетность их философских позиций, отмахнуться от фактически ценное, что заключено в их работах? Разумеется, нет!

Все это говорит о том, что наряду с повседневной непримиримой борьбой против реакционной буржуазной идеологии необходимо серьезное и глубокое изучение достижений национальной культуры за рубежом. Великая социалистическая культура советского социалистического общества выросла и развивается, используя все неограниченное наследие мировой цивилизации. Все, что было и сохранилось полезного от прошлых эпох общечеловеческой истории, находит свое продолжение и развитие в обществе, строящем коммунизм.

Советскому человеку одинаково чужды

как рабское преклонение перед всем «заграничным», свойственное провинциальному обывателю царской России, так и презрительное, напыщенное отношение к культурным ценностям, которые создаются за рубежом нашей страны. Могучая поступь советского общества, невиданный расцвет нашей науки, техники, литературы, искусства, наконец, непревзойденные темпы нашего развития—все это не может служить основанием для высокомерного, «шанкокаждительского» взгляда на достижения в области культуры в других странах мира. Это противоречило бы всей нашей советской идеологии дружбы и равенства больших и малых народов, каждый из которых вносит свою лепту в сокровищницу мировой цивилизации.

К созданию, у нас еще выходяют иногда книги, посвященные как отдельным отраслям науки и искусства, так и общим вопросам культуры, в которых серьезный критический анализ подменяется этиким хвастовством, пренебрежением ко всему, что создано деятелями культуры капиталистического общества.

Примером подобного верхоглядства может служить брошюра О. Феофанова «Буржуазная культура на службе империалистической реакции», выпущенная в прошлом году Госполитиздатом.

О. Феофанов поставил своей задачей разоблачить те многочисленные явления бескультурья и варварства, которые расцвели за последние годы нашим цветом в США и других капиталистических государствах. Автор собрал вместе сотни названий детективных романов, «комиксов», порнографических «рево», фильмов, пьес, выпускаемых в Америке, Европе и Азии, охарактеризовав вред, причиняемый этим грязным потоком бульварщины и пошлости, объясняя служебную роль этой пропаганды преступности и патологии. В этом—неосомненной польза брошюры, в которой сведены вместе газетные сообщения о разгуле беспрепятственного идеологического наступления американской реакции, стремящейся отравить сознание масс, точно так же, как это делали в свое время гитлеровцы, проводя свою гнусную «идеологическую» подготовку к войне.

Но можно ли считать, что все культурная жизнь народов капиталистических стран сводится к этому американскому идеологическому наступлению? Конечно, нет! Между тем, имея в своем распоряже-

ни лишь газетные вырезки да сообщения иностранных газет о названиях (иногда—о кратком содержании) романов, пьес, кинокартин, произведений живописи и музыки, О. Феофанов взял на себя смелость делать ненужные и необоснованные обобщения и выводы. Всех писателей, художников и артистов капиталистических стран он именует «американцами», «американскими агентами буржуазии» (стр. 6). Он делает общий вывод: «буржуазная литература сегодня—это прежде всего ядовитое растение, выросшее на смрадной почве разлагающегося капитализма» (стр. 45).

С той же легкостью в мыслях необыванной раздвигается О. Феофанов с кинематографической точки зрения: «Вся (подчеркнуто мною.—И. П.) буржуазная кинематография усиленно проповедует войну» (стр. 79). В равной мере уничтожаются оплит-таки вся музыка за рубежом—«буржуазные композиторы оказались в состоянии создавать лишь убогую музыку» (стр. 130),—а также театр, живопись и скульптура.

Подобный скандалный подход ко всему, что происходит сейчас в жизни интеллигентных слоев капиталистических стран, может принести только вред. Нельзя забывать о том, что интеллигенция в странах капитализма состоит и из тех, кто ревностно служит капиталистическим монополиям, и из коллективов людей, и из близких нам по своему мировоззрению деятелей. О. Феофанов не имеет права пометать всю сложность идейной борьбы и зарубежных странах каким-то «всеобщим» обвинительным приговором.

О. Феофанов упоминает о прогрессивных деятелях литературы, кино, изобразительного искусства. Он приводит выказывание В. И. Ленина о двух национальных культурах в каждой национальной культуре, говорит о существовании в США народной культуры. Но автор не утруждает себя задачей разобраться в сложной и многообразной явлениях капиталистического общества, выделить то ценное и достойное внимание, что есть в произведениях лучших писателей и художников капиталистических стран.

Ни атом брошюра, претендующая по санторитетному тону автора и по названию на всесторонний анализ буржуазной культуры, совершенно не затрагивает вопросы науки и техники. А это ведь нема-

ловажные отрасли общекультурной жизни!

На самого текста брошюры О. Феофанова неопровержимо следует, что автор ее не располагает достаточными знаниями, что сведения его о том, о чем он взлезает писать, крайне поверхностны.

О. Феофанов ничего не сумел рассказать советским читателям о направлениях в буржуазном искусстве, отдавшись общими безкавалетными рассуждениями. Он ничего не говорит, например, о движении против декадентских, формалистических школ, охватившем сейчас многих художников и музыкантов. А между тем, чтобы критиковать ошибки тех или других художников, в их творчестве нужно разбираться. Нужна убежденная полемика с противниками реалистического народного искусства, критика, вытекающая из художественного творчества. Но для этого нужны знания.

«Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задаче не разрешить»,—говорил В. И. Ленин.—Пролетарская культура не является высочайшей несизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества».

Ленин резко осудил «верхоглядность», противопоставляя ему «серьезнейшую, труднейшую, большую работу», которая предполагает необходимость хорошо разбираться в фактах, критически отнестись к ним.

Наша пресса, советские публикации продолжают и будут продолжать дело разоблачения того вопиющего бескультурья, которое насаждает сейчас в США и в ряде других стран американские враги культуры, подталкивая войну. Но эта работа должна сопровождаться повседневным глубоким изучением фактов культурной жизни за рубежом, критическим осмыслением всего положительного опыта зарубежной науки, литературы, искусства.

И. ПЕТРОВ

Александр Вячеславович Герман (Германо)

22 апреля 1955 года после продолжительной болезни скончался один из значительных представителей литературы и создатель цыганского профессионального театра Александр Вячеславович Герман (Германо). Он родился в 1893 году в селе Старцево-Ленинское под Орлом в многодетной семье рабочего-вологодичника. Оставшись без отца, Германо рано познал нужду, тяжкую долю рабочего люда и с юношескими лет воспитан в себе любовь к труду.

Вместе с 1934 года членом Союза писателей. Германо написал много реалистических рассказов, несколько сборников стихов и пьес для репертуара цыганского театра. В своих произведениях он широко отобразил быт и жизненный уклад цыганского народа, его прошлое и настоящее. Его очерк «Цыгане» высоко был оценен Алексеем Максимовичем Горьким.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУДИН, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

В 1931 году пьесой Германо «Жизнь на колесах» был открыт цыганский театр «Ром».

Пьеса «Жизнь на колесах» ряд лет не сходил со сцены, выдержав свыше тысячи представлений. Его пьеса принадлежит также пьеса «Между оперой», сборники рассказов «Его звали волком», «Ганка Чамба» и несколько книг стихов.

Немалое место в творчестве Германо занимает переводческая работа — с русского языка на цыганский и с молдавского и цыганского на русский. Он является переводчиком гимна «Интернационал» на цыганский язык.

Все, что знал Александр Вячеславович, надолго сохранил в сердцах память о нем.

Президиум Союза писателей СССР. Управление культуры Мосгорисполкома